

В. ДЕМЕНТЬЕВ

II

412379

ПОЭЗИЯ
И
ЖИЗНЬ

В. ДЕМЕНТЬЕВ

ПОЭЗИЯ
И
ЖИЗНЬ

412379

Вологодское Книжное Издательство
1960

$\frac{8p}{Д 30}$ 8p2 + 8p(092) + Кр + и м и

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Красная горка	5
Дар Севера	21
В Белозерье, родном краю...	39
Добротная основа	50
Гелос поколения	61
Пслетом средца, взора, кисти... . . .	76
О лирике Твардовского	89
Поступь времени	104

Валерий Васильевич Дементьев ПОЭЗИЯ И ЖИЗНЬ

Редактор *В. К. Пудожгорский*
Обложка *П. Ф. Макарова*
Корректор *С. Г. Меркулова*

ГЕ02145. Подписано к печати 24. 8. 1960 г. Тир. 4000. Бумага 84 × 108¹/₃₂.
Бум. л. 1,875. Печ. л. 6,15. Уч.-изд./л 6,14. Зак. 4333.
3 руб. С 1. I. 1961 г. цена 30 коп.

Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

У нас, в стране Советов, немало умных, талантливых литературных критиков, вполне марксистски подготовленных, но «беда» большинства этих критиков — углубились в изучение классиков прошлого. Слов нет, работы такие нашему обществу нужны. Мы обязаны не только пересмотреть работы критиков дореволюционного периода (таких, к примеру, как Венгров или Айхенвальд), но и создавать свои труды о нашей классической литературе на основе учения Маркса-Ленина. В этом отношении советские литературные критики В. Кирпотин, Н. Замошкин, К. Зеленский, Г. Поспелов, Ю. Юзовский, Б. Бялик и другие сделали большое дело для нашего общества.

Однако у нас есть живая действительность, стремительно растущая, отображаемая в художественной советской литературе. Разве Белинский, Чернышевский, Добролюбов смогли бы создать свои труды, если бы они «опрокидывались» только в прошлое. Ведь они, прекрасно зная прошлое, не только активно следили за современной литературой, отображающей нынешний день, но и своими ответами, боями направляли писателей по определенному руслу и бичевали тех писателей, которые своими книгами тормозили развитие жизни в сторону ее будущего — прекрасного.

Центральный Комитет партии устами Никиты Сергеевича Хрущева справедливо призвал советских писателей, в том числе и критиков, углубиться в современ-

ную кипучую, во многом новую, непохожую на прошлое, жизнь.

Валерий Дементьев один из первых молодых критиков-публицистов искренне откликнулся на призыв ЦК рядом критических статей и публицистических очерков, подкрепляя в них теоретические положения неопровержимыми фактами советской действительности, черпая такие материалы на своей родине, в Вологодской области. В этом и еще в том, что сборник «Поэзия и жизнь» написан сочно, талантливо, я вижу его ценность.

Федор ПАНФЕРОВ

КРАСНАЯ ГОРКА

Соборная или Красная горка — едва ли не самый высокий обрыв над Вологодой-рекой. Знали наши предки в домотканых рубахах, с сыромятными ремешками на лбу (чтобы волосы не падали на потное лицо), где рубить посреди «Великого леса» первый «детинец», обносить его бревенчатым частоколом. Налево глянешь — и глаз тонет в сизовой дымке. За речным поворотом, за россыпью деревянных домиков, дальше к горизонту чуть угадываются башни старинного Прилуцкого монастыря. Прямо — Заречье, лодочная станция ДОСААФ, старые березы, тусклые купола церквушек, дома с крытыми галереями и пышной деревянной резьбой. Направо — гранитные устои моста, улица Чернышевского... Память подсказывает, что вниз по течению, за пристанью, пойдут заводские корпуса «Северного коммунара», пирамиды песка, склады, мастерские, ржавые остовы отплававших свой век пароходов и буксиров, штабеля леса — и так почти до самых кирпичных заводов.

Что и говорить, вольготно раскинулась Вологда по берегам немногочисленной северной реки. Тихие провинциальные переулки, старинные особнячки с облупившимися деревянными колоннами уступают место асфальтированным проспектам, новостройкам, новым скверам с молоденькими тополями и березками. Побывавший в дни войны столичный поэт в этом «домотканом деревянном городке» теперь лишь на окраинах нашел бы «гармоники» дощатых тротуаров. И все-таки нет, по-моему,

лучше места в Вологде, чем этот речной крутояр. Особенно весной, в половодье! Свежий ветер пообсушил прошлогоднюю траву, темнеет на обочинах тропинок апрельская зелень. Березы, которые в дни нашей молодости были тоненькими подростками, поблескивают оттаявшей глянцевою корой. Пройдет еще неделя, и однажды в ночи выстрелят в предрассветный сумрак крохотные резные листики — и словно прозрачная зеленоватая дымка поплывет над берегом, над домами, над высокой горкой парка. А пока под обрывом лежат потемневшие крупчатые заносы снега, свежо пахнет оттаявшей землей, шуршит ледяная мелочь, крутит мутные воронки весеннее половодье. Ноздреватые глыбы льда то становятся стоймя, то, громоздясь, наползают друг на друга, и кажется, что это берег плывет вверх, туда, к прозрачным, подрагивающим в солнечном мареве далям. Не тяжелые, низко сидящие в воде льдины, не разбитая плоскодонка, не старые доски и не ледяная плита с прорубью, обсаженной полуосыпавшимися елками, стремительно проносятся у твоих ног — а ты, вместе с берегом, с белыми, голубоватыми от тени стенами Софийского собора плывешь и плывешь вверх, за поворот, к красноватым прилуцким башням. От воздуха, от солнца, от запаха талого снега чуть кружится голова. И вместе с тем какой-то удивительный подъем испытываешь ты в эти минуты. Подмывает тебя крикнуть что-то в это высокое, окропленное теплыми лучами солнца небо, читать стихи. Ну хотя бы вот эти:

О ледоход!
Штурмуй пролет моста!
Мне по сердцу твоя неукротимость,
Напористость твоя
И прямота!

Стихи эти из вологодского альманаха, что у тебя под рукой... Бывает иногда в теплые апрельские дни, что ты с утра без цели пускаешься бродить по городу. На улицах, в полутемных после ослепительного весеннего солнца магазинах шумно и многолюдно. Ты заходишь в них просто так, чтобы побыть среди людей, чтобы ощутить весну всюду — в оживленных репликах, в громоздких шубах и платках, в резком контрасте между запахами парящего асфальта и мокрых опилок, которыми посыпаны

полы магазинов. И если ты по натуре книголюб, то непременно, походя, заглянешь и в книжную лавку. Здесь тихо. Немногие покупатели переговариваются вполголоса. Книжные полки до потолка уставлены солидными томами. Но у тебя сегодня нет никаких определенных намерений. Ты зашел сюда, чтобы взять, что подвернется под руку. Ну, хотя бы последний номер альманаха «Литературная Вологда». А почему бы и нет? Так, прихватив альманах и еще несколько случайно выбранных книг, ты выходишь снова в солнце, в голубизну неба, в шумную уличную толкотню. Весна выносит тебя на берег реки, к Софийскому собору, к ветру, к псководью, к далям. Здесь-то и раскрываешь книгу и, по созвучности с твоим сегодняшним настроением, читаешь: Сергей Викулов — «Ледоход».

...Штурмуют льдины мостовой пролет!

Идут!..

И гулом ход их отдается.

Идут серединой взбешенной реки.

Идут

прорваться

или расколоться

О непоколебимые быки!

Туман, как пыль похода, над рекою...

Не всякому — о нет — дано такое!

...Там, на заречной стороне, видно, как отдельные льдины вытолкало к деревянным заборам, где они теперь и будут лежать до середины мая. Мальчишки станут обивать их крошащиеся на тонкие лезвия бока, шоферы нещадно ругать раскисшую возле них дорогу, пока солнце не растопит их и не сотрет с берега. Но еще несколько дней будет темнеть грязное пятно среди молодой, буйно пошедшей в рост травы. Об этом написано стихотворение С. Викулова. Да еще, пожалуй, о жизни.

...Вот так и жизнь. Она необратима:

На кочку сел — и все промчится мимо...

И снова подымает поэт голос во славу весеннего псководья:

О ледоход!

Штурмуй пролет моста!

Мне по сердцу твоя

неукротимость,

Напористость твоя

И прямота!

...Все-таки хорошо здесь, на Красной горке. Но почему, собственно говоря, на Красной, а не на Соборной?

Когда-то здесь, у архиерейского подворья, в соборах проходили пышные богослужения. Толпы богомольцев и нищих из глухих голодных вологодских волостей стекались сюда в праздничные дни. Поодаль Соборной горки стояли мелочные лавчонки, балаганы, царевы кабаки. Голосили слепцы, вскрикивали юродивые, качалась пьяная, забитая, темная мужицкая деревня. Городские обыватели ковыряли склоны, надеясь найти клады, якобы захороненные жителями во время польско-литовского нашествия («панщины», как говорили в народе), ползли темные «слухи «об адовой горе», где в каменных подземельях по ночам слышатся вой и стенание. Замшелые, подслеповатые избы, со слюдяными окошками, лепились по краям горки. Проулки были так тесны, что бабы могли передавать друг другу горшки на ухвате. И все это вековое, отсталое, невежественное называлось Соборной горкой, неоднократно поминаемой в церковных описаниях «святых» мест. А название Красная горка хорошо не только своим созвучием с нашим временем, взвившим алый стяг над потрясенной колоннадой Зимнего дворца, над поверженной глыбой рейхстага. В сочетании этих слов — Красная горка — слышится глубокая народная старина: в нем поют колядки босоногие деревенские ребятишки; водят хороводы девушки в синих домотканых сарафанах с резными медными пуговичками до подола; старики в островерхих шапках, вглядываясь из-под руки в речную даль, забитую наплывающим крошевом льда, вздыхают: «Пришла весна-красна»... Красная — это еще и красивая, весенняя, яркая.

И вот на какой-то миг повеяло стариной, седой многовековой историей «земли Заволоцкой» — историей Вологодчины... Так же ворочала тяжелые ледяные глыбы река, шипела битой хрустальной мелочью, заливала мелкоколосье, буйно разросшееся в заречье. Согнанные с Вожи, Сямы, Комелы, Тотмы, Устюга мужики длинными многоверстными обозами везли на дровнях известь, камень, кирпич, острили многоаршинные сваи, рыли рвы. Потому что, — пишет летописец, — «великий государь царь и великий князь Иван Васильевич в бытность свою в Вологде повелел рвы копать и сваи уготавлиять, и место очистить, где быть градским стенам каменного зда-

ния...» Берега речек Золотухи, Шограша, Содимки, которые Иван Грозный «повеле копати», дабы превратить их в глубоченные крепостные рвы, были густо облеплены работными людьми. Среди рубах и армяков мелькали рваные цветные халаты. Тысячи пленных казанских татар и «турок» (ногайцев и крымских татар) были пригнаны в Вологду по царскому повелению. Мерли они от голода, от холода, от непосильной земляной работы. Погребали их с тотемцами и устюжанами в тех же земляных насыпях, которые они вместе, по цареву указу, отрывали. С тех пор народ и прозвал эти насыпи Татарскими горами.

Но особенно хлопотал и радел государь Иван Васильевич о строительстве нового храма Софии — премудрости божьей. Строился этот собор с великим старанием: «а сколько сделают, то каждого дни покрывати лубьем и другими орудии, и того ради церковь крепка на разселины», — многозначительно замечает вологодский летописец. Иван Грозный нередко появлялся вблизи собора, наблюдая, как «наемники», т. е. нанятые по царскому повелению каменщики, клали лепную церковь по образцу Успенского собора в Москве. Не раз уже задумывал царь Иван перенести в Вологду столицу первопрестольную, подальше от боярской смуты, поближе к торговым заморским гостям. Но помешало этому одно предзнаменование. Вот как об этом говорится в старинной былине:

...Когда царь о том кручинился,
В храме новом похаживал,
Как из своду туповатова
Упадала плинфа красная,
Попадала ему в голову,
Во головушку во буйную,
В мудру голову во царскую...
Тут наш грозный царь прогневался,
Взволновалась во всех жилах кровь,
Закипела молодецка грудь,
Ретиво сердце взъярилося,
Выходил из храма нового,
Он садился на добра коня,
Уезжал он в каменну Москву,
На сон город проклинаячи
И с рекою славной Вологдой.
От того проклятья царского
Мать сыра земля тряхнулася...

Вологодским «земским посадским и остальным людишкам» хорошо была известна ярость державного властителя, посему и «тряхнулася» мать сыра земля «от того проклятья царского».

...Уже скрылись из виду красные стены недостроенного Софийского собора, вдоль коленистой дороги потянулось скучное мелколесье, а царь Иван Васильевич был мрачен и неразговорчив. И только на седьмой версте он «проговорил», заговорил с сопровождающими его опричниками: здесь-то и возникло впоследствии сельцо Говорово.

Вологодский летописец, пересказав легенду с «плинфой», по наивности своей, что ли, приводит более веские и правдивые обоснования поспешного отъезда Ивана Грозного из Вологды: «Того же году был на Вологде мор велик, и того ради великий государь изволил идти в царствующий град Москву, и тогда Вологды построение преста». Было заброшено возведение каменных стен и башен, обсыпались и заросли травой крепостные рвы, догнивали у подножья Красной горки лады, на которых помышлял царь-государь отправиться из Вологды в далекие поморские страны через Архангельск и Белое море.

Преданье о строительстве Софийского собора увлекло недавно молодого грязовецкого поэта Василия Белова, который и напечатал стихотворение «Строители» в вологодском альманахе. Пусть его рассказ наивен, но молодой поэт, наш современник, справедливо жалеет, что

...в сказаньях летописца,
Где прославлены владыки,
Ничего не говорится
О действительно великих!

О действительно великих работных людях, каменотесах, углежогах, землекопах, живописцах, создавших здесь, на Красной горке, сооружение поразительной красоты и стройности, ученые дьяки не сказали ни одного слова. Вот уже скоро пять веков хранит этот собор замурованными в камень их «капли пота, капли крови». На их костях в буквальном смысле слова возникли и посадки, и храмы, и городские заставы.

Но даже в те невыносимо трудные для народа времена земля русская не была скудна великолепными та-

лантами. Об этом, в частности, свидетельствует поразительная стенная роспись Ферапонтова монастыря.

Как попал прославленный живописец Дионисий в отдаленный северный монастырь, остается неизвестным. Глухая молва передает, что потерял Дионисий каких-то близких ему людей, закручинился, совсем перестал работать и уехал на Север, в «чудь заволоцкую», дабы ничто ему не напоминало о горе. И вот здесь, почти на краю обжитых русских земель, с новой силой развернулся его гениальный талант. Сухонький старец, в простом холщовом балахоне, он весь отдался великому искусству. Его кисть смело нарушала церковные каноны. Вместо библейского пейзажа он писал то покосившуюся избушку, то тихий берег северной речушки.

Кто в наши дни побывал в Ферапонтовом монастыре, кто повидал фрески, орнаменты, библейские сцены, писанные на грани пятнадцатого и шестнадцатого веков рукою старца Дионисия, тот навсегда сохранит чувство приобщения к высокому, поистине возрожденческому, жизнелюбивому искусству и мастерству. Именно такими ощущениями оказался исполнен ленинградский поэт Михаил Дудин, опубликовавший цикл стихов «Вологодское лето» в альманахе. Со стен соборов, тронутых копотью и дымом многих веков,

...глядят не божии
Лики в окна узкие —
На богов похожие
Наши люди русские.

И стоит, не горбится
Колоколья-звонница,
И в законной гордости
Сердце силой полнится.

«Старая история», как пишет поэт, «живет и трудится». Она живет и трудится и сейчас, во второй половине двадцатого столетия, когда мысль человека, обгоняя космические ракеты, уже «ощупывает» поверхность Марса и Венеры, примеряя, прикидывая возможность посадки пассажирского планетолета.

Юноша, стремительно вскинувший руку вверх, весь устремленный в космос, — этот юноша олицетворяет нашу эпоху. В нем нет отрешенности от матери-земли, он прочно и твердо стоит на планете, но в нем — напряжение, титанический порыв к неведомым звездным мирам.

История родного народа — та же мать-земля. Она питает наши самые дерзновенные замыслы, она придает им крепость, силу, уверенность, размах. Живопись Дионисия воздействует на нас сегодня не так, как она воздействовала на его современников, погруженных в невежество, фанатизм, нищету. Она предстает перед нами более «земной» и более окрыляющей, она заставляет испытывать волнение от мысли о величии родного народа, его талантливости, трудолюбии, упорстве. И это больше соответствует реалистическому духу творений великого мастера. В деревенских избах, на пашнях, на торжищах, на проселочных дорогах Вологодчины встречал Дионисий тех, с кого он писал свои лики. В них не было «святости», требуемой пастырями православной церкви. Но это были современники живописца, и он любил их. Вот почему нимбы вокруг ликов Дионисия, как свидетельствуют реставраторы и знатоки иконографии, были усилены, более ярко обрисованы чужой кистью. Зато важно другое, что в этих ликах, в их взгляде, полном суровости, мужества и какой-то сердечной теплоты, нашла отражение «свет-душа народная».

Этим-то и дорога нам стенная роспись древнего мастера, поэтому-то и прав М. Дудин, когда он пишет, что «сердце полнится» новой силой — силой законной гордости и любви к народу.

...Здесь, на Красной горке, у одного из стариннейших памятников нашей национальной архитектуры, у Софийского собора, для возведения и росписи которого потребовалась жизнь двух поколений, как-то особенно остро и глубоко думаешь о бессмертии человеческого деяния. В летописи, которая не раз уже здесь упоминалась, подробно говорится о знамениях, сопровождавших строительство Софийского собора, о царском повелении «церковь поставить внутри града, у архиерейского дома». Но нет, да и не могло быть в летописи имени тех, кто непосредственно строил этот собор, имени рабочих людей и «наемников», предложивших «ради того, чтобы церковь была крепка на расселины», укрывать кирпичную кладку на ночь, от мороза и непогоды, «лубьем и другими орудии». Простые каменщики, они знали толк в своем ремесле и знали дедовские секреты этого ремесла. Они проявили рабочую смекалку, сметку. Их трудами богатели и крепла русская земля. Они и были подлинной

солью этой земли, решающей силой исторического развития. Тогда, более пяти веков назад, ими, надо полагать, руководил не один только денежный расчет или угроза неминуемого голода. Ими руководила и вера в «святость» их труда, вера в то, что, создавая эту прочнейшую кладку, они обретали право на бессмертие в потустороннем мире.

Таковы были господствовавшие религиозные представления их эпохи о назначении человека и его «подвиге». Обрели же бессмертие эти простые вологодские каменщики и землекопы здесь на земле: их труд, их незаурядное мастерство, их чувство прекрасного дали им право сохраниться в памяти потомков.

По царской прихоти было «Вологды построение преста». Она захирела, обезлюдела и лишь недостроенный Софийский собор, да Татарские горы, да «Известная гора» — гора извести, свезенной на берег реки для строительства каменных стен и башен, — напоминали воложанам о начавшемся было расцвете города. Воеводами в Вологду назначались люди опальные и неумелые. «...Воеводским нерадением, — читаем мы в старинном документе, — и оплошеством... сторожей на башнях и на остроге и на городской стене головы и сотников с стрельцами и у снарядов пушкарей и затинщиков не было; а были у ворот на карауле немногие люди... а большие ворота были незамкнуты».

22 сентября 1612 года «в остатошном часу ночи» к городским заставам подтянулась конница. Не звякала конская сбруя, не поскрипывали седла, не громыхали о камень колеса единорогов: «польские и литовские люди, и черкесы, и козаки, и русские воры пришли на Вологду безвестно изгоном и город Вологду взяли и церкви божия опоругали, и город и посады выжгли до основания...» С гиком и посвистом пролетали всадники по темным узким переулкам, бросали, раскрутив над головой, смоляные факелы в замшелые крыши, тащили из купеческих лабазов куски сукна и тафты, запихивали в переметные сумы золотую церковную утварь: паны и воровские люди гуляли всюю! На наплавном мосту, возле Красной горки, они зарубили окольник и воеводу Григория Долгорукова и дьяка Ивана Карташева. Перепуганные жители и остатки городской стражи заперлись в Софийском соборе. Разорители города по штурмо-

вым лестницам забрались на кровлю и собор подожгли. Сотни людей погибли в пламени пожара. Через два дня, 25 сентября 1612 года, колонны шляхтичей и русских воров ушли дальше на Север. Сильвестр, архиепископ вологодский и великопермский, писал московским боярам и воеводам: «И ныне, господа, город Вологда — жженное место, укрепить для насады и снаряд прибрать некому; а которые вологжане жилецкие люди утеклецы, в город сходиться не смеют, а воевода Григорий Образцов с Белаозера со своим полком пришел и сел на Вологде, но никто не слушает, друг друга грабят...»

Горько причитали по убиенным и рвали на себе волосы женщины, смрадно чадило пожарище, которое несколько дней назад было мирным, работающим городом. «А все, господа, делалось хмелем: пропили Вологду воеводы», — таковы последние слова Сильвестра в его не веселой «отписке» в Москву.

Казалось, нужны были годы и годы, чтобы отстроился этот город на северной реке, чтобы крестьяне, ремесленники и другие жилецкие люди взялись за свои повседневные труды, срубили новые избы, замостили торцами улицы. И все-таки город возник на пепелище! Потом, кровью, голодовкой он был возрожден на старом пожарище. Снова труд одержал победу над смертью и разорением.

Какой жизнелюбивой силой и страстью к созиданию, труду, ремеслу надо было обладать народу, чтобы вынести все это — нашествие, моровые язвы, разрушение — и с превеликим упорством, настойчивостью вновь и вновь возвращаться на старые пепелища, к опустевшим выморочным очагам! Слова о бессмертии народного деяния перестают быть словами «высокого штиля», они наполняются реальным земным смыслом. И как ни кровава, темна, несправедлива была история тех отдаленных от нас столетий — «народное творчество» (любимое ленинское выражение) преодолевало все.

Перед революцией пятого года новой исторической силой явились рабочие, крестьяне, бунтующие солдаты, которые, — Владимир Ильич это подчеркивает неоднократно, — «с быстротой локомотива» двинули всю Россию вперед ¹⁾.

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 223.

События 1905 года в Вологде со всей очевидностью подтверждают это ленинское положение. К началу двадцатого века Вологда была глухой провинцией Российской империи. Этот старинный город стал городом-тюрьмой, городом-ссылкой. Сотни марксистов-большевиков находились под гласным и негласным надзором полиции. На тридцать с небольшим тысяч населения в городе было 56 церквей, 2 монастыря, арестантские роты, тюремный замок, колония для малолетних преступников, пересыльная тюрьма. Но вологодский пролетариат и революционное крестьянство не остались в стороне от событий пятого года. В главных мастерских Северной железной дороги забастовали железнодорожные рабочие. Забастовка стала всеобщей. Крестьянские волнения наблюдались в ряде волостей Вологодской губернии. На Зеленом лугу, у Народного дома, сожженного в пятом году черносотенцами, на Красной горке проходили митинги и манифестации...

Но подлинной весной человечества стал Октябрь семнадцатого года. «...Только революционное движение масс и пролетариата во главе их, только победоносная революция в состоянии внести прочные изменения в жизнь народов»¹⁾.

Впервые за всю многовековую историю Вологды и старинной «земли Заволоцкой» в жизни вологжан произошли эти прочные революционные изменения.

У Михаила Дудина в том же цикле «Вологодское лето» есть стихотворение о старом и новом Череповце, которое, на мой взгляд, с полным основанием можно сопоставить и со старой и новой послереволюционной советской Вологдой.

В неведенье, в невиденье
Деньгу копил купец.
Как барышня на выданье,
Скучал Череповец.
И пахла жизнь лабазами,
Трестом и треской,
Пронырами, пролазами,
Уездною тоской,
Добытыми с оказией
Романами Дюма,
Старинною гимназией
И страстью без ума.

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 153.

Душевною обидою,
Слезами, бегством в лес.
Я много в жизни выдавал
Диковин и чудес.

Кипит стальное варево,
Клокочет и поет.
В полгоризонта зарево
Над домнами встает.
И новыми поселками
Оттиснутый в конец,
Под липами и елками
Притих Череповец.
С молитвами отпетыми
Забился в уголок,
Кредитными билетами
Оклеив потолок.
Он жизнь кончает праздную,
Совсем уходит в тень.
А я сегодня праздную
Со всеми новый день...

В этом стихотворении живо схвачены многие черты густой уездной тоски, характерной и для Вологды и для тысяч других русских городов в канун Октябрьской революции. Еще со времен Ивана Грозного, по словам сказителя, вода в реке Вологде «стала быть водой стоячею, водой мутною, вонючею, и покрылася вся тиною, скверной зеленью со плесенью». Революционная буря, как могучее весеннее половодье, смела эту плесень и тину запустения и провинциального застоя. Новые невиданные запасы человеческой энергии, талантливости, трудового энтузиазма были освобождены Октябрем. Предыстория закончилась. Началась история нового социалистического мира.

...На Красной горке поползли длинные тени: вечерело. Стало свежо. Софийский собор отступил куда-то вглубь, подернулся сизой сумеречной тенью. Сквозь шум и шорох ледохода, сквозь тонкое посвистывание ветра не было слышно басовитого заводского гудка ВПВРЗ. Обычно, особенно на окраинах, в конце и в начале рабочей смены слышится переключка заводских гудков, а по ночам — резкие голоса паровозов и пароходов у пристаней и железнодорожных переездов. Сейчас из проходных льнокомбината, механического завода, «Северного коммунара», ВПВРЗ, со строительных площадок споро зашагают вологжане — потомки каменотесов, углежогов,

землекопов, чьими трудами этот собор так высоко вознес свои купола над речным обрывом. И если Красная горка — это история, крутая, с которого можно обозреть даль веков, то новые живые кварталы, новые поселки Текстильщиков, Речников, Завокзальный, Октябрьский — это сегодняшний и завтрашний день Вологды.

Думается, что вовсе не случайно в альманахе «Литературная Вологда» (книга пятая, год 1959), из которого мною процитированы здесь стихотворения С. Викулова, М. Дудина, В. Белова, много стихотворений о радостном, торжествующем обновлении жизни.

Обновление это, замечательный подъем народного благосостояния и культуры чувствуется нынче всюду в нашей области. В любом поселке, в любой деревне теперь «пахнет новыми срубам, как травой на лугу». Это пишет молодой поэт В. Илларионов, и он прав. Далеко за окраины вынес дозорных — подъемные краны новостроек — металлургический Череповец. На берегах Белого озера в сенокосную пору никого не застанешь в избах. Колхозное село, «поверив в цену трудодня на деле, минутою работы дорожа... косит сено вот уже неделю, как будто тушит на земле пожар» (С. Орлов). Светло раздумывает С. Викулов о том, что «хлебá этим летом добры — колосок к колоску, что лучше, по многим приметам, живет теперь мужику». Начинающий поэт В. Коротаев, оглядывая все, что свершается трудами современников, с гордостью решает: дел еще край непочатый, места для подвигов хватит и нам! Выступая от имени послевоенного поколения, В. Коротаев, безусловно, прав, когда утверждает, что и им, молодым, хватит места для трудовых подвигов в родном краю.

Но среди повседневных дел и забот мы все-таки редко замечаем перемены, которые происходят в наших отношениях. Если вид родного города меняется у всех на глазах, если каждая новостройка невольно заставляет наполняться сердце гордостью, то в быту, а шире — в нашем мироощущении такие перемены не столь заметны и наглядны. А они есть. Они обнаруживаются каждый день. И задача поэта заключается не только в том, чтобы воспеть новую красоту родного города или края, но и красоту новых человеческих отношений, красоту нашего бытия. Вот недавно в газете «Красный Се-

вер» была опубликована «Песнь о Вологде» И. Тихонова. Молодой поэт писал, обращаясь к своему городу:

Тебя судьба не обделила славой,
Российский город, Вологда моя!
Помолодев, встаешь ты величаво,
Своих богатств и силы не тая.
Встаешь лесами необъятных строек
И белыми кварталами домов.
Родной мой град по-северному стоек
И, словно чернь по серебру, суров.

Само собой очевидно, что стихи эти далеки от совершенства: поэт только-только что стал находить основной образ, который бы передал его ощущение северного, немного сурового и в то же время молодого города. Он явно поспешил, опубликовав «невызревшие», неотработанные стихи. Но в данном случае меня интересует другое. И. Тихонов пошел по пути внешнего описания даже не сегодняшнего, а завтрашнего дня Вологды. Он представил себе, как будет выглядеть его город в недалеком будущем. И мы тоже можем об этом помечтать и обязательно помечтаем. Однако, кроме общих фраз и избитых выражений, молодой поэт не сумел найти убедительных образов. Надо заметить, что почти в то же самое время, когда в областной газете было напечатано стихотворение И. Тихонова, в этой же газете появилась одна чрезвычайно любопытная информация. В гости к вологодским строителям приехали москвичи--- знатный каменщик, лауреат Сталинской премии В. В. Королев и штукатур И. Е. Кутенков. Они приехали, чтобы поделиться с вологжанам своим опытом, своими знаниями. Они не только прочитали перед строительными рабочими и студентами техникума лекции, но и продолжили эти лекции на строительной площадке. Надев спецовки и вооружившись инструментом, они наглядно показали своим товарищам по работе новые передовые методы кирпичной кладки. Казалось бы, что здесь особенного? Ежедневно мы встречаем в жизни тысячи подобных фактов и случаев. Но если вдуматься, если взять это событие в историческом разрезе, то оно предстанет перед нами в ослепительном свете необычайной новизны крепнущих в жизни коммунистических отношений.

Всего пятьдесят лет тому назад вологодские епархиальные и губернские «Ведомости» были заполнены

сообщениями о различных благотворительных вечерах, о приемах у губернатора, о приезде сановных чиновников и «отцов» православной церкви. Тогда у губернских репортеров и мысли не могло возникнуть, что для «читающей публики» представит интерес приезд двух строительных рабочих. Предложи им написать об этом, они бы сочли такого человека за опасного безумца и революционера!

А сейчас человек труда стал для нас главным героем дня. О нем создаются лучшие произведения в стихах и прозе, его фотографии помещаются на первых полосах газет. То, о чем мечтали основоположники научного коммунизма, становится явью наших дней. Ведь каменщик В. В. Королев — это новый советский рабочий, в его творческой практике сочетаются и умственный и физический труд. Он не только до тонкостей знает свое ремесло, но и имеет солидное теоретическое образование. В Вологде и Вологодской области тысячи и тысячи таких людей нового склада, нового коммунистического образа мышления. Знаменитому патриотическому почину Валентины Гагановой первыми в нашей области последовали тракторист Удимского леспромхоза Алексей Марков, Людмила Филина — со строительства Череповецкого металлургического завода, Галина Кудешева — с Вологодской швейной фабрики. И среди строителей также есть последователи гагановского движения. Это Александр Павлов — бригадир комплексной бригады.

Можно ли удивляться тому, что древняя Вологда молодеет и расцветает с каждым годом! Начинающим поэтам и прозаикам следовало бы прежде всего обратиться свои взоры к таким людям, как Александр Павлов. Не обязательно писать с них стихотворный портрет, но знать, о чем они думают, что их волнует, как они работают, учатся, относятся к товарищам по труду, — все это знать необходимо. Ведь это же наш современник — человек шестидесятих годов, прообраз наших героев в книгах, картинах, пьесах! Только зная его духовный мир, его мечты и чаяния, мы сможем быть современными писателями в полном и глубоком смысле этого понятия.

...Этой напористой ранней весной, оглядывая тронутый вечерней дымкой город, хочется мысленно представить себе его будущее. Через несколько лет так

же будет шуметь весенний ледоход. Земные соки ударят в стволы деревьев, и почки набухнут и чуть раскроются, словно клювики маленьких птиц. Но усилиями и трудами тысяч и тысяч рабочих — строителей, инженеров, архитекторов, проектировщиков в городе возникнут новые корпуса, асфальтированные проспекты, стадионы, кинотеатры, школы, детсады. Вологда будет разрастаться к югу, в ту сторону, где ныне находятся льнокомбинат и поселок Текстильщиков. Там к концу семилетки возникнет новое предприятие — комбинат шелковых тканей. Там же будет построен многоэтажный городок с населением, превышающим население всей дореволюционной Вологды. Как тут не вспомнить добрые, с легкой лукавинкой строчки Александра Яшина, посвященные землякам:

Вологда теперь разбогатела,
Вологжане, брат, взялись за дело,
Только окать не перестают.

Хочется верить, что вместе с жизнью Вологды и Вологодской области так же бурно будет развиваться и расти и вологодская поэзия, черпая живительные темы в истории, в нашей яркой, полнокровной современности, смело заглядывая в будущее.

ДАР СЕВЕРА

Старинное изречение гласит: хочешь узнать поэта — побывай на его родине. И не только побывай, но и посмотри на все его глазами, глазами художника. И тогда увидишь, что тот же лесистый, неприветливый Север — край удивительный и по неповторимости жизненного уклада людей, и по красоте природы, и по ее изобилию. Там, если заря, то — на полнеба, если дождь, то — на неделю, если лес, то — до края земли. Крикнешь слово с речной кручи — покатится эхо по перелескам и сгаснет далеко в заречной стороне. Простор! Зацветут льны — и сине-сине станет за околицей, словно выцветшее северное небо отдало земле свою густую майскую голубизну. А ударят морозы — и в обжигающем январском тумане будет медленно опускаться в леса огромное, немыслимо багряное солнце.

Не потому ли народная кисть взяла у матери-природы краски яркие, тона — контрастные, мотивы — замысловатые.

Полотенца в деревенских избах расшиты такими пестухами, что кажется, вот-вот загорланят певуны с деревянных полочек и зеркал, где исстари — для красоты — висят льняные рушники, чудо женского рукоделия.

В тех же деревенских пятистенках под сухую россыпь коклюшек можно часами разглядывать кружевные подзоры, дорожки, накидушки, уголки, узнавая в них поэзию Севера и заветную мечту кружевницы. Любят на Севере и складную бывальщину, и меткое, в рифму,

слово. Песня, сказка, байка, частушка — в труде ли, на отдыхе ли — звучат между делом, сопровождая человека от колыбели до глубокой старости.

До сих пор в дальних северных районах во время сенокоса снаряжают вместе с колхозными бригадами престарелых сказочников и песельников, определяя их, по совместительству, на должность кашеваров.

Где-нибудь на плотях, тянувшихся добрый километр, или возле полевого стана сидят у огонька люди. И обязательно находится среди них бойкий на слово или, как говорят в вологодском крае, тороватый человек.

— Иду, значит, я самой утрешной ранью, — обычно начинает он окающей скороговорочкой, и не знаешь, чему больше удивляться — неиссякаемой ли выдумке рассказчика или образности и точности его речи.

А как запойут девчата, возвращаясь на рассвете из какого-нибудь Ондринона, куда они ходили на гулянье за десяток верст! Босые ноги по щиколотку в росе. Туфли, чтоб зря не стапывать, в руках. Молодые голоса звучат задорно, и песня, как дыхание, проста и необходима и предрассветной земле и самому человеку.

Теперь в сельских клубах, на народных гуляниях, на свадьбах редко-редко услышишь протяжную «старинушку». Разве что старики вспомнят молодость да запойут. А запойут — загрустят. Потому что много обид и горечи пришлось хватить на веку, и песня, как ничто другое, воскресит забытое, поросшее быльем.

Вспомнятся старинные частушки, которые теперь уже нигде не поют, которые можно спеть под хитрый перебор гармошки, под балалайку, а то и под «губную музыку» — запросто так.

...Ехали на подводах, шли пешком молодые парни и многодетные мужики на войну с германцем — первую империалистическую войну. И рвалось из самого сердца невеселое:

Неужели, неужель
Оденут серую шинель?
Неужели серую,
Оставляю дролю бедную!

Шел вместе с другими новобранцами на царскую службу и Яков Попов — мужик из деревни Блудново. Как и у всех, осталась у него дома семья: младшему — Александру — не исполнилось и двух годков. Ушел вое-

вать Яков — и не вернулся, сгинул где-то на проклятой народом войне. Осталась жена вдовой-солдаткою перебиваться с хлеба на воду, растить детей, одной управляться с крестьянским хозяйством.

Так началось детство Александра Яшина (Попова) — своеобразного и талантливового советского поэта. Оно мало чем отличалось от детства его сверстников из других бедняцких семей. Пришлось ему походить за бороной, ездить в ночное, вставать до свету по «губину» — рыжики, грузди, сыроежки. Были свои радости, были и свои беды. Только, может быть, глубже западало в сердце песенное слово, тише становилось дыхание, когда в гулке, холодном овине, у жарко потрескивающей печки, начинал какой-нибудь дремучий дед нараспев свою «старину».

Нередко, возвращаясь из школы, Александр мог видеть, как его товарищи накоротке сочиняли бойкие частушки. Традиция эта жива во многих вологодских районах и поныне: нехитрую частушку в колхозном селе сочинить или по-своему переделать может почти любой. Все это вошедшее в быт, исторически сложившееся фольклорное окружение и явилось для Яшина первой школой поэзии. Но не будь Октябрьской революции, судьба даровитого подростка, видно, была бы похожа на судьбу героини его стихотворения «Сказочница», которая весь свой век:

Где жила — не ведала,
Что вокруг — не видела,
Дальше поля дедова
Не бывала с выдела.

Два-три класса — вот и вся наука, на которую мог рассчитывать деревенский парнишка из глухого Никольского уезда. Но старая жизнь и старый крестьянский уклад шли на слом. Подростком бежал Александр от отчима в Никольский детский дом. Был он там принят в школу, окончив которую, поступил в Никольский педагогический техникум. Здесь — все внове, все впервые. Первое знакомство с большой литературой, с поэзией, с новинками современных пролетарских писателей, первые стихи в местной газете «Никольский коммунар».

Каждое лето, в каникулы, Яшин по-прежнему работал дома по хозяйству: выезжал на дальние лесные по-

косы, плотничал, молотил хлеб, промышлял зверя. Среди земляков и односельчан был он известен и как мастер сочинять складные бывальщины. Пошло это с тех пор, как однажды сочинил он бывальщину про «Арсе-ню-батрака». История о том, как Арсенья «за осьминку табака робил год у кулака», была известна в округе многим. Ведь и Арсенья и кулак — свои, деревенские. Но было удивительно слушателям из пожилых крестьян и молодежи, что об этом, близком, общежитейском, можно рассказывать стихами.

Эпизод с бывальщиной, приведенный А. Яшиным в «Автобиографии», любопытен своим тематическим прицелом. Пройдет десятилетие, и Яшин вернется в поэме «Мать» (в новом, значительно переработанном варианте «Мать и сын») и к образу батрака Петра Долгова — по прозвищу «Долог — Тонок», — и к образу сельского мироеда Михайлы, и ко всей, ставшей уже историей, обстановке конца двадцатых годов. Бурные сходки, народные собрания, обобществление пахотных земель, раскулачивание деревенских богатеев, создание первых артелей — все эти зримые приметы начавшихся великих перемен в жизни трудового крестьянства были кровно близки комсомольцу, студенту, а затем молодому учителю Александру Яшину. Он, человек, выросший в деревне, в нужде, принимал близко к сердцу заботы и чаяния своих односельчан и вмешивался в стремительный ход событий, где мог. Так стала определяться одна из основных тем его творчества — тема становления колхозного строя, крушения старого частнособственнического уклада в северной деревне. Яшин много ездил по районам, писал корреспондентские заметки, статьи. Но для того, чтобы рассказать обо всем увиденном и пережитом в поэзии, не хватало еще опыта, не хватало своих слов и образов. И лишь в одном-двух стихотворениях прорезался собственный голос Яшина. К таким стихам прежде всего относился «Льнозавод».

Начинается стихотворение в духе старинных хоро-водных песен, как бы напоминая своим ладом дореволю-ционный Север:

Еще травы сверкали росой —
Я ходила своей полосой,
Полосой из конца да в конец,
Уж я сеяла лен-долгунец...

Поздней осенью вызрел мой лен,
Но не чист, не богат, не длинен,
И в дождливый, в ненастный денек
Я одна теребила ленок...

— Нет, было так! — восклицает поэт и в ином ритмическом ключе рассказывает о том, как сеяли лен его земляки.

Наступили страдные дни — и

Прямо через гумна да по полосам
Вышла за деревню
деревня вся.

Молодым задором веяло от этих строк, посвященных родной деревне, которая впервые объединилась для работы на полях, для коллективного труда.

Сборник стихов Александра Яшина «Северянка», изданный Гослитиздатом в 1938 году, появился в ряду многих других поэтических книг, посвященных новой советской деревне, книг, лучшими среди которых по праву можно назвать «Сельскую хронику» А. Твардовского, «Стихи и песни» М. Исаковского, «В защиту влюбленных» А. Прокофьева, «Стихи» Н. Рыленкова. Но «Северянка» не затерялась в этом широком потоке. И читатели, и критика отметили молодой свежий голос, своеобразное дарование поэта, «богатый словарь», «вольный песенный, с неожиданными переходами ритм», «полусказочное ощущение Севера», присущие его первой творческой заявке в большой литературе. Особенно удачны в сборнике были стихи о девушке-колхознице Олене, о вологодской кружевнице Алексеевне и другие, рассказывающие о славных тружениках и труженицах Севера. В этих стихах, а также в стихотворениях «Слова-то красивого», «Шла я нынче заимкой», «Мета», «Сказочница», «Девушка», «Сватовство», «Присказки» и многих других, написанных на широкой песенной основе страданий, заповей, частушек, проявилась близость А. Яшина устному народному творчеству Севера, впитанное с молоком матери знание быта, труда, жизни односельчан. Яркость, праздничность — вот что, с другой стороны, роднило его поэзию с народной живописью. Проявившееся позднее в отдельных произведениях А. Яшина условное, облегченное изображение жизни села как раз противоречило этому полнокровному, по-народному сочно-

му восприятию мира, нашей действительности. При всей праздничности, красочности «Северянка» в основе своей была книгой подлинно реалистической. Реалистичность, красочная щедрость ее сказывались во всем: в языке, в выборе сюжетов, в отдельных деталях. Если в деревне строят избу для молодоженов, то непременно «с целой выставкой резьбы». Если проходит по-над берегом реки парень, то «сапоги скрипучие на нем, поясок малиновый, неношенный». Если выходит танцевать молодлица, то, оправив «широченные воланы, золотую карусель», топнет раз — цветы раскинет, топнет два — косынка с плеч!

Заговорит поэт о родной природе, и тут же повеет сказочным изобилием:

Диким хмелем завито крылечко,
В рощах зверь непуганый, грибы,
Хоть лопатой ягоды гребь,
Хоть ведром черпай рыбу в речке.

Это былинное, эпическое ощущение Севера было в значительной степени ощущением детских лет. Но и в дальнейшем поэт оставался верен ему.

Яшин в своих стихах оказался чужд какого-либо механического воспроизведения старых образцов, слепого повторения старых фольклорных мотивов. Подобное чаще всего случается с поэтами книжными, поэтами, черпающими свое вдохновение и свой колорит из книжных источников. А лучшее в творчестве А. Яшина питала и питает сама жизнь.

Взять хотя бы «Северное сказание».

На Мезэни было,
На Мезэни.
Не богата на Мезэни зелень,
Зыбунисты мшистые дорожки.
Но красны болота от морошки.

Неторопливо, с повторами, с параллелизмами начинает разворачиваться сказание о том, как бежал К. Е. Ворошилов из царской ссылки и как до сих пор хранит придорожный камень его след «в Заонежьи, в заовражьи». Так причудливо переплетаются в устах старухи-кружевницы вымысел и правда, сказочность и реальность, и все «Северное сказание» уходит своими корнями в народное творчество, в поэзию наших дней — этот

истинный и драгоценный дар Севера всякому художнику, творцу, поэту.

Но главное в поэтическом творчестве А. Яшина — характеры наших современников, жителей деревни, людей новых, с новым отношением к труду, к земле, к жизни. Раскрыть это новое, что отличает нашего современника от людей прошлого, и постарался поэт в стихотворении «Свет в душе» (1946). Начинается оно горькой повестью про деда, который «за шар земной своей земли вершка б не уступил».

И шла молва про старика
Крута, не хороша:
Черна душа у мужика,
Берлога — не душа.

Ушедшее в невозвратное прошлое, частнособственническое глубоко засело в старом крестьянине, хоть и не смог он до седины скопить добра, зажить в достатке. Плоть от плоти, кость от кости этого крестьянского мира поэт сам берет слово и говорит о себе, о том «свете в душе», который зажгла в нем Октябрьская революция, новая жизнь.

И я мужик,
И мне любя
родимая земля,
И я болею за хлеба,
За зря не жгу рубля.
Но я в такую даль взглянул
От узенькой межи,
Такого воздуха хлебнул,
Что душу освежил.

.
По той же пахоте хожу,
С лица текут ручьи.
Но я на шар земной гляжу,
Как на поля свои.
И чтобы свет в душе не гас. —
За правду, за свою,
За нашу власть,
За всех за нас
Всей жизнью я стою.

Опираясь на конкретные впечатления из жизни вологодской колхозной деревни, Яшин создает ряд ярких поэтических образов, как бы выхваченных из самой гущи народной. Его Оленка, бойкая, колхозная девушка, так отрезала одному «ученому из района», восхищавше-

муся «интересными пережитками» старого Севера, что тот не нашелся, что ответить, и был довольно язвительно осмеян окружающими. Оленка родилась и выросла при Советской власти. И чувство равноправия, гордое достоинство труженицы, с которым она разговаривает с «районным ученым», воспитала в ней советская действительность. В дореволюционной деревне простая крестьянская девушка вроде Оленки, конечно, чувствовала бы себя стесненно в разговоре с незнакомым приезжим человеком, тем более «ученым».

«Запечница» — Авдотьюшка, чья молодость прошла без радости, чье горе не знало меры, с удивлением думает об этой новой молодой поросли:

Ничего им, нынешним, не в диво:
Платья носят — синий шелк с отливом,
Для любой — гармошка на растяг.

Стихотворение «Оленка» перекликается с частушкой, которую особенно охотно поют колхозные девчата и сейчас:

Говорят, что боевая.
Боевая я и есть.
Нынче времечко такое:
Боевым большая честь.

В этой короткой запевке так живо и непосредственно схвачено самое важное, самое существенное в нашей жизни и в облике самих певуний, что лучше, как говорится, и не придумаешь. Именно боевитость, жизнерадостность, задорность роднит характер Оленки и ее товарок из частушечных четверостиший. Глубокая достоверность, народность образов, созданных в стихах А. Яшина, становится после этого еще более убедительной.

Лукавый юмор окрашивает многие современные девичьи «страдания». Авторы и исполнительницы их не прочь поиронизировать над неловким «ухажором-забавой», над нерасторопным бригадиром, над соседками, которые любят посудачить. На вечерках, где-нибудь в колхозном клубе, на «пяточке» у деревенского пруда нет-нет да и раздастся:

Видно есть такие люди —
Несознательный народ:
Проводил дроля до садика,
Сказали — до ворот,

Полнота жизнеощущения, радостное чувство свободы и независимости от «власти» родителей, от домостроевских обычаев, наконец, насмешка над суконным языком иных заезжих «ученых из района» — окрашивают заповку приметной лукавинкой.

Александр Яшин в стихотворениях «Шла я нынче заимкой», «Мета», «Сватовство», более поздних «Бабы», «Телеграмма» широко пользуется этим приемом народно-песенного творчества. Стихи становятся доходчивее, живее, когда в них есть человеческая теплота, есть лукавинка.

Шла девушка снежным утром заимкой, шла и удивлялась, сколько за ночь зайныка напетлял, «вывертов наделал». Это доверчивое признание таит и скрытую хитринку.

С милым я измучилась,
Слушала весь вечер.
До чего ж закручены
У милого речи!
Просто заливается —
До того хлопочет.
А о чем старается?
А чего он хочет?..
Я сноровку дикую,
Заячью-то, знаю,
Знаю, когда прыгают,
А когда петляют.

Растущее мастерство поэта видно и в лукавом подтексте стиха, и в свободном владении разнообразной народной речью.

Характерные черточки северного говора Яшин вводит в стихи не только для того, чтобы создать местный колорит, но и для того, чтобы подчеркнуть духовный рост своих героев, их новое сознание, их новое мироощущение.

Сколько наименований милого, возлюбленного, близкого сердцу человека бытует в песнях и частушках северных районов Российской Федерации! «Дролечка», «залетка», «ягодиночка», «ненагляда», «касаточка» — встречается почти в каждой песне, в каждой припевке. Конечно, среди них немало частушек-однодневок, сочиненных по очень местному или очень личному поводу. Но зато в тех, которые целые районы, иногда целые области подняли «на голос», запели, глубина переживаний

передается с большим искусством и глубокой эмоциональностью.

Вспоминается в связи с этим одна такая запевка, которую довелось мне услышать в Кубено-Озерском районе, и, услышав которую, просто невозможно было не запомнить. В летних сумерках на краю деревни высокий девичий голос внезапно вывел:

Милый мой теперь далёко —
За тёмными ёлками.

И оборвался. Другой, гуще, сочнее, подхватил начатое и закончил:

Колет, колет ретивое,
Колет, как иголками.

В нашей большой и разнообразной поэзии не много, пожалуй, найдется примеров такой «локальности» образа, такой краткости и выразительности поэтического слова. Ведь еловая чаша, окружающая деревеньку, была темна и в ненастье, и в светлые солнечные дни, а разлука, видно, колола девичье сердце посильнее, чем жестковатая, холодная хвоя елок.

Такие частушки и запевки долгие годы пользуются неизменной популярностью среди нашей колхозной молодежи. Но как ни длительно бытование частушек о разделенной или безответной любви, о разлуках и встречах, о надеждах и горьких разочарованиях, жизнь опережает фольклорную традицию, и слова-обращения вроде «державушка», «касатушка» безнадежно устаревают.

Это явление не могло не обратить внимания художника, чуткого к современности. От имени девушки-колхозницы написал А. Яшин стихи «Слова-то красивого», мастерски использовав богатство песенного языка.

Слова-то красивого
Не подыщешь наскоро.
Как назвать мне милого
Задумчиво, ласково,
Чтобы всем понравилась,
Чтобы в песню ставилось.

«Приголубить надо бы, а слова все старые», — с грустью думает девушка. Особенно странным ей кажется назвать своего милого «державушкой». «Не такая славушка у мово хорошего», — с гордостью заявляет она,

протестуя прогив обветшалой песенной традиции, в которой все еще держится «держава», «державушка» — единовластный хозяин, «большак» в крестьянской семье.

Стихотворение заканчивается решением девушки высказать свои чувства заветными словами, которые «сами сразу скажутся».

Для того, чтобы написать такие стихи, нужно, помимо знания языка, еще уметь перевоплотиться, войти в чужой характер, раскрыть внутренний мир героя его словами, его голосом.

Эта эпическая «хватка» А. Яшина особенно отчетливо обнаруживается в его поэмах «Мать и сын» и «Алена Фомина», о которых немало писалось в нашей печати и которые известны самому широкому кругу советских читателей. Следует заметить, что еще в 1938 году, когда эти поэмы не были написаны Яшиным, в рецензии, опубликованной в «Октябре», Л. И. Тимофеев подметил по преимуществу эпический склад художественного дарования поэта. После опубликования поэм имя Яшина стало по праву ставиться в ряд наших поэтов-эпиков. Но и лирика поэта — это интересное и самобытное явление современной русской советской поэзии. Вот почему в этих заметках речь идет преимущественно о его лирических и лиро-эпических стихах.

* * *

В августе сорок первого года на ближних подступах к Ленинграду — под деревней Ямсковичи — батальон морской пехоты принял бой. Из окопчиков во время затишья бойцам виднелось большое поле поспевающей ржи, опаленное огнем, изрытое снарядами, исполосованное танковыми гусеницами. Надолго запомнился А. Яшину и этот бой — первое фронтовое крещение — и это поле.

Рожь лежит: не ветром укачало —
Танки с глиною смешали рожь.

Не ветром укачало рожь, не мирный сон повалил навзничь ребят в черных морских шинелях: шла великая битва за свободу и независимость социалистического отечества. И чем ожесточеннее разгорались бои, чем напряженнее была работа в краснофлотских многотиражках, чем туже затягивалось кольцо блокады, тем чаще в стихах и мыслях возникал образ родины, образ родной стороны.

Ах, родина, лесная сторона!
Как все стократ для сердца стало мило —
Брусника в чащах,
Рек голубизна —
Война все чувства наши обострила.
Просторны тесом крытые дворы.
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!
Моторы в сизых ельниках стучат.
Плывет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок...

Отстоять все это близкое и родное от вражеского нашествия, освободить землю от фашистской нечисти — таково было главное чувство, вдохновлявшее поэта, волновавшее его товарищей по оружию.

Осажденный город Ленина — там, во время обстрела дальнобойными немецкими орудиями, «шарахаются бронзовые люди, живой проходит, не оборотясь», — краснофлотские бронепоезда, Волжская военная флотилия, Черноморский флот — «этапы большого пути», пройденные газетчиком, поэтом, очеркистом Александром Яшиным. В спешке, в тревогах, в боях писать приходилось много, и далеко, конечно, не все выдержало испытание временем. Но лучшие стихи из военных сборников: «Красная горка», «На Балтике было», «Город гнева», «Земля богатырей» — отражают всенародный героизм и непоколебимую веру в победу.

А победа близилась, весна сорок пятого года уже шла по всем дорогам, по всем фронтам и «чувство семьи единой», как очень точно сказал П. Тычина, еще более крепло в каждом советском человеке.

Это чувство выразил А. Яшин в стихотворении, посвященном сорок пятому году.

У нас земля такая:
Просторна синева,
В горах — вода живая,
В лугах — разрыв-трава.
Березоньку наклонишь —
Весь лес шуметь начнет,
Кого из нас не тронешь —
Поднимешь весь народ.

Песенный образ северной «березоньки» придает этим строчкам весеннюю свежесть.

Значит, вновь мы встречаемся с сокровенными впечатлениями поэта, встречаемся с его родным краем, который подарил художнику свои лучшие краски и цвета!

В дни войны А. Яшин не только пишет большой цикл стихов «Земляки», но по-прежнему часто обращается к фольклору северных областей. Богатая словесная инструментовка стиха, разноударная рифма, звуковые повторы — все эти и многие другие приметы его стихотворной техники находятся в самом тесном родстве с северной песней-частушкой.

Не раз ему, наверно, приходилось слышать в родных местах припевку: «Эх, ноженьки, из дороженьки...» В стихотворении «Далекие походы» А. Яшин своеобразно использовал ее:

Желтые дороженьки,
Далекие походы.
Ноженьки вы, ноженьки,
Ботинки-скороходы!

В «Далеких походах» Яшин употребляет излюбленную тройную рифму:

Суконные обмотки,
Железные подметки.
Земля вовек не видела
Уверенней походки.

Тройная рифма, придающая большую крепость стиховой конструкции, чрезвычайно характерна для частушечного творчества. Достаточно сравнить:

Что-то на сердце темно,
Не видал тебя давно.
Очень часто занавеской
Занавешено окно.

Вообще система рифмовки в северной частушке разнообразна и гибка. Есть четверостишия, в которых почти каждое слово рифмуется между собой. А. Яшин в лирических стихах умело использует достижения «народноязыкостворца». Но использует творчески, самобытно.

Его стихотворение военных лет «Шинель» (1941) не только опирается на песенную традицию. Оно выражает чувства воина-защитника, испытавшего на войне немалые тяготы и лишения и стойко переносящего их во имя общей победы над врагом.

Эх, шинель моя, шинель!
Длинная, походная,
В слякоть осени, в метель
Теплая и модная.
Черная,
Просторная,
Ладная,
Нарядная,
Краснофлотская подруга —
Шуба ненаглядная...

Прибегая к юмористическому повороту темы, Яшин пишет далее:

Неужели ж, неужель
Я сниму свою шинель?
Может быть, и в самом деле,
Как окончится война,
Без шинели
По панели
Поведет меня жена?

От этого двойного «неужели-неужель» вдруг на какой-то миг повеет далеким-далеким: ехали на подводах, шли пешком новобранцы четырнадцатого года, и рвалась из сердца невеселая отчаянная припевка: «неужели-неужель оденут серую шинель»... Но нет, ничего, кроме случайно сохранившегося в памяти песенного созвучия, не осталось в этом боевом стихотворении. Когда оно писалось, от Белого до Черного моря шла война. Миллионы советских людей, одетые в солдатские шинели, отстаивали право народа на свободное и независимое существование.

* * *

Далеко от деревни Блудново, под Тихвином, остановился огненный вал войны. Там выжгли и вырубili леса шквальные минометные налеты, искромсали землю тяжелые фугаски, затащили окопы ржавые болотные воды. А здесь, на первый взгляд, все осталось по-прежнему, как и до памятного июня сорок первого года — мирно курились трубы деревенских изб, скрипели колодезные журавли, пылили по большакам разбитые районные полуторки. И в то же время все по-другому, все строже, все напряженнее; ведь

... по какой дороге слезы
Осенним утром не лились.
В какой избе, в каком колхозе
Армейской клятвой не клялись?

Война пришла и сюда — фронтовым приветом, печалью похоронной, неустанной, не знающей ни края, ни меры, работой на колхозных нивах. Матери, сестры, жены — великие труженицы колхозного села — приняли на свои плечи тяжесть долгих военных лет и заменили бойцов, ушедших на фронт. Даже тот, кто весь свой век прожил, «белый свет не застя», кто всю жизнь простоял в стороне от общественных дел и забот, даже тот включился в коллективный труд. Именно так случилось с бобылкой Настасьей, одинокой безродной, «женщиной безвредной». Всеобщий трудовой подъем захватил Настасью, которая ожила, помолодела в этом новом для нее ритме общественного труда. Поэт пишет, что «спустя полгода власти похвалили даже Настю», и мы охотно верим этому, ибо только труд на общее благо мог так сильно и быстро преобразить человека.

Но что Настя! А. Яшина волновал трудовой подвиг русской женщины, его тянуло к созданию подлинно народных характеров. После демобилизации в сорок четвертом году он едет в родной колхоз «Красный пахарь», и там, по мере сбора материала, у него начинает вырисовываться образ Алены Фоминой — талантливого колхозного организатора, человека, понявшего, что в наши дни «люди хотят полета, размаха, души во всем».

Образ труженицы-крестьянки вообще занимает большое место в сюжетной лирике А. Яшина. Многие его довоенные стихотворения показывают, как «земля ложилась на счастливый путь», как менялась «доля русская, доля женская».

В этих глубоких переменах в жизни рядового труженика и труженицы, произошедших за годы Советской власти, поэт видит основы всенародного патриотизма, проявленного советскими людьми в годы Отечественной войны, видит основы нерушимого единства фронта и тыла. Уже не бойкая песенная скороговорка, а торжественные звуки фанфар слышатся в его стихе:

Слава — кому ураган не страшен,
Кряжу скалистому — тверд гранит!
Слава таким державам, как наша:
Землю качает — она стоит!

Встречи с земляками обогатили творчество А. Яшина целым рядом новых интересных стихотворений, таких, как «Хмель», «Первый год весна, как чудо», «Сама

победа». Нетрудно в них заметить открытое ликование, общую восторженную окраску. Ведь в эти дни, в дни послевоенного мира, «словно в первый день творенья, приняла зерно земля».

После окончания войны поэт предпринимает новые поиски своих героев — едет на Алтай, на Куйбышевскую ГЭС, на открытие Волго-Дона, в новые целинные совхозы. Ему удастся запечатлеть характерные черты своих современников. Вот угрюмоватый старик-конюх, который, получая награду — трудовую медаль, — огорчил всех собравшихся в сельском клубе: «взял и сунул под пиджак да еще нахмурил брови, словно выпил на-тощак».

Многим даже стало жаль,
Что пришла ему медаль.

Но оказалось, старик просто растерялся. Никто в темноте после собрания не разглядел:

Как он бороду разгладил,
Как медаль на грудь приладил,
Как он вдруг помолодел.

И только в разговоре с лошадьми конюх отвел, как говорится, душу, высказал то, что не успел сказать людям. Или вот старый плотник — в более позднем стихотворении «Плотник» — не только ловко орудует топором, но и говорит с подростками из ремесленного училища удивительно ладными, крепко «сбитыми» словами:

Для неграмотных сосна
Только дерево, картина,
А для нас гранит и глина,
Гипс и мрамор — все она.

Гордость художника — мастера своего дела чувствуется в этих стихах. Этим уважением к народному труду, истовости рабочего человека отличается и «Свежий хлеб», и «Квартирный вопрос», и другие из опубликованных в последние годы стихов.

Однако творческий путь Александра Яшина не отличается гладкостью и легкостью. На XX съезде партия решительно и смело подвергла критике ошибки прошлого, связанные с культом личности и его последствиями.

Эта критика, как глубоко заметил Н. С. Хрущев, вызвала серьезные раздумья, прежде всего, среди писате-

лей и деятелей искусства, и особенно — и это не случайно подчеркнуто — среди тех, кто был ближе к партии.

А. Яшин оказался среди тех литераторов, которые поддались чувству растерянности и в отдельных своих произведениях потеряли историческую и политическую перспективу. Его первое выступление как прозаика на страницах альманаха «Литературная Москва» явилось тяжелой идейной и творческой неудачей. А. Яшин правильно воспринял партийную критику. Его новые, самые последние стихи, насыщены жизненным содержанием, они правдивы и оптимистичны, в них есть та художественная убедительность, которая сразу же привлекает читателя и вселяет в него новые силы, вселяет уверенность в победу правды и мира на земле.

Особенно интересны последние лирические стихи А. Яшина. Его «чисто» лирический голос в довоенных сборниках и в книгах военного времени в значительной степени звучал обесцвеченно, без той «тембровой окраски», которая придает удивительную неповторимость голосу певца. В любовной лирике он часто варьировал один и тот же мотив — охотник, зверолов, человек угрюмый, неловкий в поступках и действиях, но затаивший глубокую нежность в душе, зовет возлюбленную в родные места, где он чувствует себя свободнее, где ему легче сказать слово любви.

Но постепенно лирические горизонты поэта расширились и в его лирике стала обнаруживаться та же «строчечная суть», что и вообще во всем его творчестве. Так, бесспорно многое есть от Некрасовской женщины в величавом и полном душевной красоты и достоинства образе, который воссоздается стихотворением «Что-то есть в тебе очень хорошее».

Что-то есть в тебе очень хорошее.
На цветной сарафан гляжу,
Словно в юности по некошным,
По заречным лугам хожу.
Очень свежие, очень милые
Губ приподнятые уголки.
Вологодскою веет силою
От большой без колец руки.
Под окошком проходишь — рослая..
По душе мне такая стать.
Поглядеть на тебя, светлокосая,
Как на родине побывать.

Среди бесспорных лирических удач А. Яшина последнего времени можно отметить стихотворение «Орел». Его философский смысл раскрывается в строчке, несущей основную нагрузку стиха: поэт говорит, что «сердце и орлиное ранимо», но даже смерть у орла величественна, полна торжества и силы. Вот это торжество жизни во всевозможных ее проявлениях, эта яркость виденья мира — отчетливо обнаруживаются в последних лирических стихах Александра Яшина и свидетельствуют о том, что поэт в своем творчестве ставит и удачно разрешает новые поэтические и идейные задачи.

* * *

Подводя итог своим сокровенным раздумьям, А. Яшин в одном из стихотворений пишет:

Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Все-таки на селе
Все мои корни.

Да, нельзя не согласиться, что, действительно, все корни творчества А. Яшина на селе, среди родной природы, среди близких и родных ему людей. Но значит ли это, что поэзия Яшина ограничена «околицей села», что духовный и эмоциональный мир его узок? Нет, конечно, нет. «А я в такую даль взглянул от узенькой межи», — с гордостью, с радостью, с вызовом говорит он в стихотворении «Свет в душе». Лучшее в творчестве А. Яшина и помогает нам яснее видеть нашего современника, хозяина земли, хозяина своей судьбы, чей взгляд, устремленный через «горы времени», видит коммунистическое завтра.

В БЕЛОЗЕРЬЕ, РОДНОМ КРАЮ...

Вода в Белом озере мутна даже в солнечную погоду, а когда задует северный ветер — «сиверок» — и под низким облачным небом пойдут перекатываться двухметровые валы, озеро приобретает молочный, белесый оттенок. Потому-то в старину и прозвали его Белым, а жителей окрестных деревень белозерами.

...Шумит на ветру треста; длинными, в полнеба, плетями проходит стороной дождь; от воды, от сумрачного неба, от низкого, топкого берега тянет холодком, щемит сердце суровостью и одиночеством. А рядом, над мелким, бойким кустарником, над деревенскими овинами, над копнами сена белеют мачты и шлюпки пароходов, кольцами поднимаются дымки буксиров, выются выцветшие на солнце выпела — по Белозерскому обводному каналу проходят баржи-самоходки, теплоходы, плоты — на Ленинград, из Ленинграда — на Ярославль, Москву, Горький.

Прямо с палубы, которая движется вровень с зеленой луговиной, матросы перекликаются с девушками, облокотившимися на деревянные перила пристаней, обсуждают с ними деревенские новости, передают приветы родным и знакомым. Это — тоже Белозерье, но Белозерье обжитое, обогретое человеческими руками, любящее шутку и голосистую песню, понимающее толк в труде и гулянье.

Как не полюбить его, как не бросить ему, говоря словами старого писателя, «слово любовное»!

Поэт Сергей Викулов — из этого приозерного края. О том, что его родина здесь, в Белозерье, можно почувствовать по названиям деревень, то и дело мелькающим в его стихах, по описаниям природы, а главное, по характерам героев — людей работающих, медлительных, чистосердечных.

«Озеро таких не укачает, с ног не свалит буря никогда», — с легкой похвальбой говорит о земляках поэт в одном из сборников.

Но прежде чем был открыт этот живой, полнокровный и реальный мир, прежде чем односельчане вошли в стихи и поэмы, внесли в них свои человеческие радости и печали, пришлось «работать, работать, по локоть в пылу рукава закатав...»

Первое стихотворение С. Викулова было напечатано перед войной в районной газете. А затем — четыре года на фронте, в зенитной артиллерии, где С. Викулов командовал батареей. Не до стихов, не до литературного творчества было ему в то время, впрочем, как и тысячам его сверстников. Под Сталинградом воздушные армады гитлеровцев шли волнами, одна за другой — и краска коробилась и обугливалась на раскаленных оружейных стволах. В Румынии ожесточенные воздушные налеты врага стали сменяться недельными затишьями. Вблизи австрийских границ только одиночные самолеты противника прорывались к переправам и походным колоннам. Так перемалывалась сила врага, так завоевывалась победа.

После демобилизации неудержимо потянуло в родные места. И вот снова Белозерье, шум прибрежной тресты, низкое облачное небо, чайки над рыбацкими баркасами. А потом Вологодский педагогический институт, первые тоненькие сборнички стихов...

Их яркие, немного аляповатые обложки соответствовали легковесной праздничности стихотворений: шумели свадьбы по рыбацким поселкам, зрели поразительные овсы, девушки в крепдешинowych платьях спешили в колхозные клубы. Все это можно было наблюдать в родных краях — и свадьбы, и овсы, и девушек в шелковых платьях. И все-таки не это было главным в жизни народа. Деревня жила трудно: поубыло за годы войны народу, порасшаталось артельное хозяйство, но вера в людей, что все эти трудности будут преодолены, была крепка и

нерушима. Народный труд велик и безмерен, и этот труд должен был дать и — как сейчас все мы видим — дал обильные всходы. Но об этом после. А пока наивные в своей праздничности стихотворения начинающего поэта лишь скользили по поверхности народной жизни.

В чем же дело? Ведь поэт руководствовался самыми благими намерениями; он, познавший «кровавые нары в санроте, и мучительной Музы полон» (А. Недогонов), думал, что именно такие стихотворения и нужны его землякам. А дело заключалось в том, что слишком скудны были его изобразительные средства, слишком он доверял прямолинейному, лобовому способу выражения своих взглядов и идей.

«Поэту нужно было показать, а не доказать, — в искусстве что показано, то уже и доказано».

Эти замечательные слова принадлежат В. Г. Белинскому. Как часто начинающие литераторы горят страстным желанием что-либо доказать, обладая слабо развитой способностью и з о б р а ж е н и я окружающего их мира, характеров людей, природы. Отсюда холодные, декларативные строчки, которых немало и по сей час не у одного только Сергея Викулова:

Труд наш окупается сторицей,
Всех богатств у нас не перечтешь;
Хороша в полях у нас пшеница,
Зреет удивительная рожь.

Но молодой поэт настойчив и трудолюбив. Он становится очеркистом областной газеты, много разъезжает по самым глухим районам области и пишет, пишет, не смущаясь срывами, чтобы «пробиться к победе — и снова рвануться лицом на рассвет!»

Первые настоящие удачи, как это ни странно, пришли в лирике, причем лирике, посвященной одной из «вечных» тем, — собственному труду, труду стихотворца. Раздумывая о характере и особенностях поэтического труда, Викулов сравнивает его с «тонкой работой костореза».

Он трудится и долго и упорно,
И под резцом, едва еще видны,
Вдруг оживают кружевом узорным
И были и преданья старины...

«Таков и ты, поэт», — это сравнение, казалось бы, вполне допустимо. Но нет, не только в ювелирной отделке деталей, тонкой словесной вязи черпает свое вдохновение стихотворец.

«Дивясь терпенью костореза», — продолжает он, —

Я с завистью гляжу на кузнеца,
Чей грубый труд — поэзия железа —
В тяжелых взмахах и в поту лица...
Вот белый брус из пышущего горна
Кузнец рывком под молот подает
И сталь тугую, ставшую покорной,
Как будто глину, комкает и гнет...

Так из глубокого, привитого с детских лет уважения к трудящемуся человеку стало рождаться все лучшее в стихах и поэмах Сергея Викулова. Причем эта гордость за людей «грубого труда» была органической, своей: ее необходимо было найти в себе самом, заставить зазвучать эти сокровенные струны. И они зазвучали. Поэтическое слово стало податливым, как раскаленный брус в руках у сельского коваля; словно окалина, отлетели избитые эпитеты, примелькавшиеся сравнения. Поэт находил и своих героев и самого себя.

Мы довольно много, но, к сожалению, не всегда убедительно пишем о главной теме советской литературы — теме труда. И радуемся удачам поэтов, которые сумели показать поэзию, я бы сказал, сладость труда людей самых неприметных, непритязательных профессий, — ну, хотя бы столяра или кровельщика. Сколько написано о них стихотворений только в послевоенные годы, а помнится все-таки давнишнее казинское «Живей, рубанок, шибче шаркай» да его же «Рабочий май».

Как не процитировать еще раз Белинского, который однажды очень точно сказал: «...Изображать верно свое родное, то, что у нас перед глазами, что окружает нас, чуть ли не труднее, чем изображать чужое». Многие молодые поэты, увлеченные темой труда и написавшие десятки стихотворений об агрономах, трактористах, строителях, ни малейшего представления не имеют о всех тонкостях этих профессий, а следовательно, и о радостях, о поэзии их труда. Все это для них «чужое».

Надо отдать должное Сергею Викулову, что если он пишет о колхозном сенокосе, то пишет о том, что не раз было им испытано:

Как хорошо остановить машину,
Распрячь коней — пора и отдохнуть, —
Присесть под куст и к горлышку кувшина
Губами пересохшими прильнуть,
Напиться всласть —

а квас и злой, и крепкий! —

И добрым словом помянуть жену.
Потом прилечь, надвинув на лоб кепку,
И долго-долго слушать тишину.
А тишина, как марево, густая:
Стучат в траве кузнечики, и ты
Следишь с улыбкой, как шмели, летая,
Считают уцелевшие цветы...

Здесь отдых всласть и работа всласть — и не в этом ли сплаве кроется новое мироощущение советского человека, его новое отношение к общественному труду!

Срывы в декларацию, в «доказательство», а не «показ», которыми и сейчас нет-нет да грешит еще Сергей Викулов, наглядно подтверждают слова Белинского о том, как трудно «изображать верно свое родное, то, что у нас перед глазами, что окружает нас». Но когда эти трудности преодолеваются, нельзя не порадоваться сочности и правдивости картин вольного колхозного труда:

На покосах утром, на покосах
Снова кружат косы на колесах.
Лошади по грудь сырые — росно,
Косари — до пояса в поту...

Стелются коврами под колеса
Клевера в немыслимом цвету.

Да, все здесь напоминает «праздник солнца, зелени и силы», каким является сенокос в наших северных деревнях. В эту пору за озерными поймами «от ромашек белым-бело», а «в кустах, в тени, в зеленых кельях синих колокольчиков гульба, сарафанов девичьих веселье, молний отшлифованных борьба!»

Щедрость земная и щедрость людская спорят друг с другом: земля щедра на лесные и луговые уголья, люди — на труд, который принесет им счастье и достаток в дом. Все это — «свое, родное» — и есть тема труда в поэзии. Она конкретна, как сама жизнь, она многообразна и безгранична так же, как многообразна и безгранична жизнь людей, тебя окружающих, вместе с тобой встающих на рассвете.

Вот девушка-рыбачка вышла на причал. Задорная, смешливая, она на «пяточке» под деревенскими тополями «каблуками выстучит, будто строчку выстрочит», запоем над плесами — «попробуй лучше спой»,

А начнет работать веслами —
Лишь пена за кормой!

Каждый вечер в назначенный час выплывает старик-бакенщик зажигать сигнальные огни. Тихо и безлюдно вокруг, но нет дороже старику этих мест, нет милее родного северного края, где:

...видно, с детства
Полюбил всем сердцем человек
Леса молчаливое соседство
И непостоянство вольных рек.

Большая жизнь прожита этим шекснинским старожилом, как и другим героем С. Викулова — старым хлебоборобом Егором, которому дочка привезла «ящик песен—патефон» («Песни в старом доме»). Живет Егор на пенсии, на покое—и песни ему теперь одна отрада: вечерами к его открытому окну, как на огонек, тянется деревенская молодежь: «побросают к огороду косы, сядут на завалянку: «Играй!» И по мере того как сменяет одна старинная песня другую, перед мысленным взором Егора проходит все пережитое им и его «ладой Маремьяной» — горькое, старопрежнее житье, война, новая мужицкая доля, когда «рядовым работником и властью стал Егор — вчера еще батрак». Как необычно это сочетание — «рядовой работник» и представитель власти! Но оно скупое и верно говорит о самой существенной перемене в жизни вчерашнего безземельного крестьянина Егора, в жизни миллионов таких же, как и он, сельчан.

Старое и новое, пережитое и только еще предчувствуемое, отсталое и ведущее — все это существует во взглядах людей, в быту и обычаях северной деревни. И попытки поэта-вологжанина разобраться в самых характерных процессах, которые он видит, наблюдает в действительности, и сделать эти процессы предметом поэзии, конечно, заслуживают поддержки.

Случилось в послевоенные годы в некоторых районах Вологодской области так, что из-за тяжелых последствий войны, а подчас и хозяйственной иерархии, труд колхозника заметно обесценился. Вместо пол-

новесного грудодня колхозники в экономически слабых артелях получали «палочки». Это обесценивание труда привело к тому, что усилился процесс отлива, главным образом сельской молодежи, в города, на лесозаготовки, на новостройки страны. Были конечно здесь подлинны энтузиасты, уезжавшие по путевкам комсомола, но были и люди, искавшие себе укромное местечко, испугавшиеся трудностей. И даже после известного сентябрьского Пленума ЦК, когда дела колхозов пошли в гору, когда на селе появились новые люди — агрономы, председатели-тридцатитысячники, механизаторы, — многие демобилизованные парни, девушки, окончившие школу, крайне неохотно оставались в родном районе.

Все это не могло не взволновать поэта, который встречал таких «отходников», говорил с ними и слышал разговоры о них других. И вот в журнале «Октябрь» за 1957 год появляется его небольшая поэма «В метель». Уже первые ее строчки заставляют прислушаться к тревожному голосу автора. Еще бы — только что демобилизовавшийся из армии Степан Завьялов, бросив родную мать, решил поискать легкой жизни на стороне.

...Сени охнули глухо.
Отсчитал три ступени
И — в метель-завируху,
И — в сугроб по колени.

Торопливы были сборы Степана: у него за плечами «мешок с сухарями да рубахи две комом, те, что осенью справил...» Кое-как уложив пожитки, комом сунув две рубашки, Степан Завьялов в зимнюю непогоду покинул родную деревню; он спешит, чтобы не передумать, чтобы оправдать свое малодушие внезапностью принятого решения.

В сокровенном разговоре со своим героем С. Викулов не наставляет его, не грозит ему, он как бы раздумывает вместе с недавним солдатом, а что же приобретет на стороне Степан: укромную должность завсклада? нелюбимую конторскую работу?

Оставляет он все — родную мать, отчий край, а главное — «должность хлебороба», которая ему с детских лет близка и которой он никогда не сможет позабыть. Вот почему

...куда б ни ушел ты,
Будет все тебе сниться
Луг ромашковый, желтый,
Лен в цвету да пшеница.
Будешь ты у буфетов
Пиво пить городское,
Деревенское лето
Вспоминая с тоскою.
И сухие мозоли
На руках ковыряя,
Вспомнишь скирды на поле
Заозерного края.
Вспомнишь волн перекаты,
Спор гармошек задорных...

Умолкает поэт, дает подумать, оглянуться своему герою и только после этого с горечью заключает:

Так куда же, куда ты
Так стремишься упорно?!

Разговор со Степаном Завьяловым не окончен. Автор оставил его на заснеженной дороге, идущей на полустанок. Но о людях, простых и незаметных, нашедших свое счастье в труде на общее благо, он пишет новую поэму «Трудное счастье», опубликованную в «Октябре» во второй книге за 1958 год.

Героиня этой поэмы — простая колхозная доярка Анна Павловна. Кажущаяся обыденность ее самой и ее нелегкой работы подчеркивается всем сугубо трезвым и реалистическим строем стиха. С ночи разгулялась непогода. Чуть-чуть забрезжил рассвет. Не спится Анне Павловне — «разболелись руки к непогоде. В таз водицы теплой налила, окунула — легче стало вроде...»

Кто вырос в деревне, тот знает, как маются руками доярки, как ломит у них руки: это ведь сама правда, сама жизнь. А «где жизнь, там и поэзия» — по меткому слову Белинского.

С. Видулов сумел сделать поэтичными не только такие «прозаизмы», в которых, впрочем, угадывается истинное, пережитое знание народной жизни, но и всю биографию рядовой колхозницы — русской крестьянки. Не случайно в поэме есть прямая переключка с Некрасовым и его образом «величавой славянки». Но Анна Павловна — наша современница. Она отнюдь не печальница крестьянского горя, как, к примеру, некрасовская

Дарья. Ей на долю выпало трудное счастье, но это — счастье. Оно совсем особого свойства:

Оно расправляет вам плечи...
А главное, главное в том,
Что людям становится легче
От вашего счастья потом!

Эта забота о народном благе, конечно, по-новому определяет душевный облик простой русской женщины; это то, что не было знакомо прекрасным некрасовским героиням, что окрепло, вызрело в советском человеке за годы построения социализма и постепенного перехода к коммунизму.

Размышления автора поэмы о счастье — идейный стержень поэмы. Но рассказ об Анне Павловне этим отнюдь не ограничивается. Мы видим, как вместе со своими товарками Анна Павловна едет на областной слет животноводов. Поэтическая живописность, которой так не хватало Викулову, видна теперь хотя бы в сцене торжественного отъезда доярок на слет, в описании колхозного рысака, который «весь как будто нарисованный от ноздрей и до хвоста»...

Есть ли просчеты в этой интересной поэме? Да, естественно, есть. Вяло, расслабленно изображен, например, областной слет. Но ведь мы, пусть даже по крупицам, собираем то ценное, самобытное, что несет молодой поэт в большую литературу. А это ценное и самобытное заключается в том, что жители просторного приозерного края показаны им в труде, показаны так, что и самому после знакомства с ними хочется поехать в те края, где «буйство клевера, где окает народ, где бушуют ветры севера едва не круглый год».

...Крылья нужны поэзии для взлета, — сказано верно, но, может быть, ограничено. Точнее будет сказать: крылья поэзии нужны для длительного полета, — для полета свободного, рискованного, дерзкого.

Сергей Викулов сейчас уверенно набирает высоту. Два крыла его поэзии — постоянная связь с родным краем, жадное изучение всего нового в жизни Белозерья и завидная работоспособность, творческая добросовестность. Но куда же устремляет свой полет поэт? Каково направление его поисков? Где его будущее?

На эти вопросы отвечает опубликованное в недавнее время стихотворение «Девчата»:

Зачин его довольно обычен для наших колхозных лириков. В деревне поздно вечером «только месяц, только звезды да гармонь не спит одна». Однако там, где многие «поэты сельского масштаба» останавливаются, где стихи, посвященные пляшущим колхозным девушкам, лихим сельским гармонистам, весенней «любови», заканчиваются, там-то и начинается у С. Викулова новый поворот этой «вечной» темы.

Даже не поворот, а озарение стихов подлинной суровой правдой жизни.

А была война —
Плясали
Все равно и в дни войны.
Только парни были —
Сами,
И гармонь — тоже сами,
Сами — песельницы,
Сами,
Наконец, и плясуны.

Злы и грубы были песни.
Пели так — и в этом суть, —
Чтоб врага не пулей если,
То хоть словом полоснуть!
А хотелось песен светлых...

Да, в трудные, освещенные пожарами тихвинских деревень военные годы хотелось «песен светлых», слов заветных, ласковых. Но до поры кладовая этих заветных слов и песен была «заперта на семь замков». И в том, что поэт не пошел в традиционном русле описаний звона сельских гармоник, а внял голосу тревожной, требовательной правды времени, я вижу его рост. Поэтом в стихотворение «добавлено» то, что скрыто от глаз постороннего наблюдателя, что таилось в глубине деревенского быта военных лет, в глубине переживаний его односельчан и землячек, все силы отдававших победе над врагом. Это — не пресловутая «смелость», рассчитанная на сенсацию, это — осознанное чувство ответственности за свое творчество, за правдивость своих стихов. И нет для поэта большей радости, чем радость услышать сдержанную похвалу от своих героев и читателей. Дяде-кузнецу, похвалившему творения поэта («Добро поработал, парень, по-честному... Молодец!»), автор отвечает: «спасибо за то, что труд мой... ты, мастер, назвал ра-

ботой, которую так же трудно, как всякую, сделать в срок». Это осознание себя трудящимся, работающим человеком, чей труд может доставить пользу и радость, как и всякий другой труд мастера-умельца, мастера-художника, крепнет в Сергее Викулове с каждой новой книгой. И пусть будет так, что не только областной, но и общесоюзный читатель узнает широко его, С. Викулова, «работы» стихи и поэмы.

ДОБРОТНАЯ ОСНОВА

Однажды, через год после войны, в библиотеке Вологодского пединститута мне попалась тоненькая книжка стихов. Ее пожелтевшая от времени обложка была оформлена в характерной для двадцатых годов резкой графической манере. Называлась она — «Налив».

Пропустив между пальцами ряд страниц, я наткнулся на стихотворение, которое разом обожгло меня молодой, неперебродившей силой:

Аленка, Аленка,
Мальчишкой отпетым
Я выпил огонь
Твоих бешеных глаз.
Мне снится поныне
Сухменное лето,
Водой наговорной
Поившее нас!

По «сказовости», по напеву чувствовалась в стихотворении школа двадцатых годов: тогда многие поэты увлекались редкостными словами и речениями, особенно из деревенского обихода. Но было здесь и свое — что-то зазорное, искреннее, земное. Фамилию поэта Павла Кустова я иногда встречал на страницах областной газеты «Красный Север». Но мне было трудно предположить, что еще в 1930 году у него вышел этот сборник. Впрочем, такое случается нередко. Кто, к примеру, из читателей знает, что у известного советского лирика С. Щипачева первая книга «По курганам веков» появилась еще в 1923 году?

Кроме того, теперь, с выходом избранных стихотворений Павла Кустова, становится яснее творческая эволюция этого поэта, своеобразие его пути в литературе.

Между стихами из «Налива» и теми, что публиковались в нашей областной газете, была приметная разница: прошли годы, и поэт во многом стал другим. Если раньше он спешил рассказать читателям о себе, о том, что именно он, деревенский парень, комсомолец, селькор, чувствует и переживает, то в послевоенный период как раз в лирике он особенно скупно раскрывался, редко говорил о себе.

Обычно лирические поэты развиваются в ином направлении: в большем выражении своего «я», аккумуляющем мысли и устремления современников. Мною была упомянута первая книга С. Шипачева. Она характеризовалась не только «космизмом», декларативной отвлеченностью образов, но и полным отсутствием поэта как личности, как человека с конкретной биографией. Лишь в канун Отечественной войны лирическое дарование С. Шипачева развернулось ярко и неожиданно для друзей-литераторов, лишь тогда он заговорил от своего собственного имени — от имени бойца революции, одного из тех, что «под тридцать лет сидели и не старели в шестьдесят». С П. Кустовым произошло иное. Его личные радости и горести с течением времени как бы отступили на задний план. Он весь отдался впечатлениям текущего дня, впитывая, как губка, подробности и детали повседневности. Это не было прихотью поэта. За этим стояла определенная творческая программа, о которой подробнее я скажу позже.

Только по ранним, довоенным стихотворениям можно проследить отдельные вехи биографии П. Кустова. Так в стихотворении «Дом отцовский» ему припомнилась старуха-мать и родной дом в селе Завальном, что недалеко от Усмани:

— Здравствуй, дом!
Встречай сына, блуждавшего по свету,
Хватившего соленого из чаши...

Встреча с домом — лишь мечтание поэта. Медленно, как ото сна, он возвращается к действительности:

Уж на исходе лето. Я один
Под небом вологодским синим-синим,
Гляжу на уходящих журавлей.
И, заглушая крики вожака,
Доносит ветер рокот молотилки,
Мир водворяя у меня в душе
И сердцу принося успокоенье.

Мы не знаем, что за буря была в душе поэта, но мы верим в успокоенье, которое приносит ему вид осенней молотьбы, ритмика трудовых будней. И так постоянно: нахлынет ли грусть, зарядят ли проливные дожди, заметут ли метели — отзывчивость и тепло поэт находит у жителей села, занятых повседневными делами. «...Мне особенно уютно среди мастеровых людей», — замечает он в одном из стихотворений. Это чувство родства с «мастеровыми людьми», чувство «уютности», душевной устроенности среди них особенно сильно проявляется в стихах П. Кустова, написанных в годы войны и в первые послевоенные годы. Все чаще и чаще поэт перевоплощается в своих героев, все чаще в его стихах слышатся голоса окружающих его жителей северного края.

Художник перед другими людьми имеет безграничное преимущество: выразить себя, освободить себя творчеством. Эту мысль высказал на страницах «Литературной газеты» Альберто Моравиа. «Освободить себя творчеством» — значит, отлить в художественную форму, в образ то, что неотступно преследует художника, целиком владеет его помыслами. Помыслами Павла Кустова, встречавшегося с жизненными невзгодами, «хлебнувшего соленого из чаши», завладели сплавщики, поморы, лесорубы, колхозники, среди которых он жил, приехав после окончания университета в Вологодскую область. Здесь, конечно, большую роль сыграла новизна впечатлений, разнообразие характеров, колоритность жизненного уклада, которые дал поэту и молодому журналисту наш Север. Именно вологодский Север, а шире — северо-запад нашей страны стал для Кустова второй родиной, о чем он пишет в краткой заметке «О себе», предваряющей его «Стихотворения». Чувство благодарности к северянам, окружившим его теплом и заботой, навсегда вошло в его сердце. Об этом он проникновенно рассказывает в программном стихотворении «Север»:

Кто скажет о поморах, что они
Слынут за нелюдимов искони,
Что очерствело сердце их, — не верьте!
Радущье, словно золото, храня,
Они как сына приняли меня
И чуть живого вырвали у смерти.

Поэт, выросший в деревне, познавший своеобразную поэзию деревенской жизни, быстро сжился со своими новыми земляками, с их заботами и делами.

Мне каждое дело — привычно и любо.
Задумчивый Север — своя сторона.

«Своя сторона» обнаруживается у П. Кустова и в описании природы, и в бытовых зарисовках, и в характере людей, и в их говоре. Если в «Наливе» он нет-нет да и ввертывал редкое речение вроде «сухменного лета», то теперь стал избегать диалектизмов. Северный говор передается им более выразительными художественными средствами. Вот, к примеру, как говорит в «Северной песне» девушка-сплавщица леса:

Парень из Вытегры —
Статный какой! —
Взял да с кормы
Помахал мне рукой.
Выпал из рук моих
Длинный багор.
Девоньки, бойтесь
Ребят-вытегор...

Простодушие девушки здесь выражается тонкой речевой характеристикой, причем мы живо ощущаем и легкую улыбку самого автора, который улыбается наивным бедам девичьего сердца.

Тютчев в одном из своих писем писал: «...Чтобы поэзия процветала, она должна иметь корни в земле». Корни всего лучшего в творчестве Павла Кустова, бесспорно, уходят в вологодскую землю. Поэт подолгу жил на сплавных участках, в леспромхозах, немало ездил по северным рекам, бывал в самых отдаленных районах области. Работая журналистом в Череповце, он первым из вологодских поэтов описал строительство Череповецкого металлургического комбината. Не пыльные фрески монастырей, не своеобразная архитектура старинных посадов и не пожелтевшие рукописные книги увлекают его, а дела современников, наша повседневность. Устами мастерового человека, талантливого плотника, он делится с читателями раздумьями о труде-творчестве. Мастер на все руки, плотник не раз дивил односельчан замысловатой резьбой наличников и карнизов. Плотниц-

кая работа пробудила в нем художника, и он почувствовал, что эти традиционные, стародавние узоры не могут выразить всей полноты его мироощущения.

Нет, говорил печально я себе.
Коньки твои — пустые побрякушки.
Ведь ни за что не выразить в резьбе
Лесного волхования кукушки.
Ведь как там ни искусны завитки,
Тепло живое не пройдет под ними.
А мир встает из-под твоей руки
И только дразнит красками своим.

Стремление довести работу до совершенства, чтобы «дерево само заговорило», присуще не одному лишь плотнику из стихотворения «Резьбой украшен дом». Слово о своем ремесле, о труде, ставшем творчеством, получают в большом цикле «Мастера» многие представители славных профессий: садовод, следопыт, капитан речного буксира, резчики по кости, кружевницы, бондари. К сожалению, далеко не все стихотворения этого цикла можно признать удачными. Поэт в большинство из них не внес «своего», личного, как это он сделал в стихах «Резьбой украшен дом», а лишь пересказал общеизвестные истины. В «Кружевницах», например, кружево сравнивается с затейливым морозным узором на стекле... Довольно обычными представляются мне и стихотворные зарисовки паромщика, колхозного бригадира, поварих... Подобные «лирические портреты» людей различных профессий в недавнее время имели широкое распространение в нашей поэзии. Но, страшное дело, все эти «портреты» были на одно лицо и различались только фамилиями авторов да названиями стихотворений. Создавалось впечатление, что ты идешь длинным коридором, где вправо и влево одинаковые двери, обитые серым дерматином с табличками: «Лесовод», «Крановщик», «Инженер», «Учитель», «Агроном»... А что за этими дверями — тебе так и не удавалось узнать.

Почему так получалось? Да потому, что общей идее, общему замыслу поэты не находили конкретное, неповторимое воплощение. Общий замысел так и оставался расплывчатым, приблизительным общим замыслом, благим начинанием. Совсем иное видел Белинский, например, в «Казачьей колыбельной» Лермонтова. «Ее идея — мать, — писал он, — но поэт умел дать индивидуальное

значение этой общей идее: его мать — казачка, и потому содержание ее колыбельной песни выражает собою особенности и оттенки казачьего быта».

Гораздо большим уважением к трудящемуся человеку я проникаюсь у П. Кустова не тогда, когда он перечисляет мне представителей профессий и ремесел, существующих в северных районах, а когда попросту рассказывает о встречах с интересными людьми, находит «особенности и оттенки», характерные для жизни и быта этих людей. В одном из таких стихотворений поэт признается, что любит маленькие сельские ветрянки или, точнее сказать, ветряки,

Где, постаревший на покое,
Всего выдавший на веку,
Скучает мельник и рукою
Сухую пробует муку.

Однако не так-то уж и скучает старый мельник, если случайный прохожий, зашедший сюда «не как помолец, а просто спичку попросить», замечает, что давно «горячий жернов проситковки, но скоро ли дойдет рука, когда в мешки без остановки течет пшеничная мука». Молчаливый старик, живущий на отшибе, возбуждает добрые человеческие чувства и запоминается надолго. Жизненна и небольшая новелла «Я в город больше не вернусь», которую тем труднее пересказать, что написана она от первого лица, от имени человека, который прибыл в деревню на посевную посланцем дальнего города и навсегда влюбился в разлинованные бороздами поля, окропленные и его жарким потом.

Вообще современность, словно озимь на оттаявших весною взгорках, приметна в большинстве стихотворений П. Кустова. Но она тем естественнее проступает в его творчестве, чем меньше поэт сосредотачивает на ней наше внимание. Казалось бы, парадокс! Но давайте разберем стихотворение «Над простором болот...» и убедимся в этом.

Над простором болот,
Над водою
Белый козлик трясет
Бородою.
И летят и кружатся
Снежинки,
Закрывая поля
И плешинки,

Ух, как девки в селе
Запищали:
«Что по радио нам
Обещали?
Мол, холодные дни
Пролетели,
Ни морозов не жди,
Ни метелей.
А глядите, что есть
На поверку:
Заметает и снизу
И сверху!..»
Но, сугроб одолев
Через силу,
Им клюкою грозят
Старожилы:
«Будет плакаться,
Дела не зная.
Это мартовский снег —
К урожаю.
Он сулит нам хороший
Подарок —
Тридцать центнеров хлеба
С гектара!»

Здесь легкомыслию деревенских девушек, соскучившихся по теплым весенним вечерам, противопоставлена народная мудрость стариков. И все стихотворение в целом согрето радостью поэта за обильный колхозный урожай, который ожидается в новом году и автором стихотворения и его героями.

Вот так, словно мозаику, из отдельных сценок, бытовых зарисовок, наблюдений, деталей, складывает много лет Павел Кустов красочный облик советского Севера. Но как мозаике обычно не хватает «третьего измерения», глубины, пространственности, так и его развернутой картине Севера не хватает объемности. Дело в том, что в большинстве стихотворений П. Кустова мы чувствуем объект наблюдения и самого наблюдателя, внимательного, пытливого, но не сливающегося душевно с тем жизненным явлением, которое он изображает. «Но поэзия есть сама действительность, — отмечает Белинский, — и потому она должна быть неумолима и беспощадна, где дело идет о том, что есть или что бывает». Сковывая себя, отделяя себя от предмета изображения, П. Кустов превращается в созерцателя, но не участника новой действительности.

Шексна, Рыбинское море, Пошехонье, Белозерск, Вы-

тегра, Кириллов стали для него обжитыми местами; всюду поэт с удовлетворением отмечает: «еще одна прибавилась примета движения вперед у северян». Эти «приметы движения вперед» или «приметы нового», как мы любим говорить, стали для Кустова своеобразной самоцелью. Вот первый пассажирский автобус прошел по улицам глухого лесного городка; девушка из-под Вологды вырастила крымский виноград; разъезжает по полям и полевым станам «Агитфургон»; в избе лесоруба на рояле играют Чайковского; открывается в селе детский сад: отрыт первый котлован на строительстве металлургического гиганта...

Это все, действительно, приметы нового, ростки нового в нашем соверном быту. Но фактография никогда не была поэзией. Старинное изречение гласит, что поэзия, выражая частное, выражает общее. Это общее определяется эмоциональной и идейной глубиной стихотворения, возможностью и мне, как читателю, испытать и понять то, что испытано и понято поэтом. Стихи, пронизанные пафосом современности, могут не иметь ни одной внешней «приметы» этой современности. Но в жизненном опыте художника, в его переживаниях и раздумьях я, равно как и другие читатели, угадаю свой собственный опыт и свои собственные переживания.

Поэту Павлу Кустову приятно было увидеть в лесном поселке автобус — эту частность нового быта. Приятно об этом узнать и мне из его стихотворения. Но ведь то же самое я могу узнать и из краткой информации ведомственной газеты. От художника, столь преданного нашей сегодняшней действительности, каким является П. Кустов, ожидаешь осмысления этой действительности, ее, если можно так сказать, поэтического экстракта. У В. Г. Белинского есть одно интересное рассуждение о факте живой повседневности и этом же факте, но уже ставшем явлением искусства, и в частности поэзии. Они отнюдь не тождественны эти факты, не адекватны. Факт жизни и факт поэзии, пишет Белинский, так же относятся друг к другу, как «относится натуральная роза к поэтической розе», которая берет от натуральной розы ее жизненную энергию, ее аромат, ее цвет. Без лиризма, без пристрастного отношения к жизненному факту трудно его превратить в факт поэтический, придать ему эмоциональную глубину, трудно его сделать до-

стоянием поэзии, которая бы заражала, увлекала, волновала многих.

Когда поэт позволяет себе лишь положительно приветствовать факты новой действительности, он, конечно, не сможет воссоздать в творчестве всего противоречивого, сложного, глубинного хода жизни. Его картина будет лишена «третьего измерения», и одной из причин этого будет не только строго ограниченный отбор жизненных явлений, но и его душевная скованность, отстраненность.

Ф. Тютчев писал о природе, обращаясь к другу-поэту: «Не раз под оболочкой зримой ты самоё ее узрел». То же самое относится и к жизни вообще: «узреть» под зримой оболочкой «ее самоё», понять и почувствовать за внешними приметами ее жизненную силу, ее целеустремленное течение — задача, конечно, более сложная, чем рассказать об открытии районной сельскохозяйственной выставки. В том же стихотворении «Над простором болот...» девушки прогноз погоды слышат по радио. Вот, казалось бы, еще одна «примета движения вперед». Но не на ней сосредоточено внимание поэта, а на общей атмосфере радостного ожидания весны и веры в добрый урожай, который обещают колхозникам их поля, их труд. В стихотворении «Ветрянки» вообще отсутствуют такие приметы. Вместе с тем оно ярко живописует старика-колхозника (ведь мельница-то у него общественная, колхозная!), неутомимо работающего на общее благо.

...Живя на севере, особенно в сельской местности, трудно не полюбить всем сердцем непромкую, неброскую красоту северной природы. И Павел Кустов любит природу по-своему, он славит грибное лето, урожайную осень, охотничью зиму и пору обновления всего живущего на земле — весну. «Да здравствует весна — большое половодье!» — восклицает поэт. Однако как бы художник ни любил природу, дела рук человеческих ему дороже во сто крат.

Что толку в безлюдном пейзаже?
Глядишь, его осень сотрет,
Следов не оставивши даже
От пышных июльских щедрот.
Но глянь на творения наши:
Не тронут их тлен и зима.
И все долговечней и краше
Особенной кладки дома...

Этот мотив обновления лица родной земли часто встречается у советских поэтов. Он выражает присущее нашим современникам стремление поставить стихийные силы природы на службу человеку, обществу, овладеть ее тайнами и богатствами. Мысль о том, что земная красота облагораживается руками, трудами человека, ярко выражена у другого поэта-вологжанина — у Сергея Орлова, который в одном из стихотворений пишет: «Мне кажется, земли краса — вся дело человеческих рук». Павел Кустов почти в каждом стихотворении, посвященном природе, не только «очеловечивает» ее, но и делает созвучной нашему сегодняшнему дню. Но опять-таки там, где поэт рассудочно вводит в стихи ту или иную деталь, «примету» современности, там стихотворение почти неизбежно оставляет привкус деланности, искусственности. И наоборот, естественно звучат стихи с эмоциональным, чаще с шутливым, иногда с грустным подтекстом, т. е. стихи имеющие личную окраску. Таково стихотворение «Дятел». В весеннем лесу, «безучастный к весне, работает дятел на старой сосне», работает, как «молотобоец, силен и умен, он кожаный фартук недаром надел...» Поэт, плутающий с ружьем по лесу, невольно вспомнил сельскую кузницу: краны, станки, машины, молот на тысячу пудов. И с доброй улыбкой подумал:

— Ах, как же ты, дятел, от жизни отстал!

Этот шутливый упрек «кустарю-одиночке» — дятлу скрашивает настойчивость, с которой П. Кустов «осовременивает» природу.

Разговор о «приметах времени» давно назрел в русской советской поэзии. Павел Кустов идет в общем ряду, в общем строю опытейших советских поэтов, и его просчеты типичны для других его товарищей по перу. Немало стихотворных циклов у нас было посвящено «росткам нового» в нашей действительности, но поскольку поэты зачастую прямолинейно и упрощенно подходили к своей задаче, то читатели, кроме пересказа фактов, уже известных им по газетам, ничего в этих циклах не видели. Суть вопроса, в конце концов, не в этих «приметах». Они могут быть и могут не быть в стихотворении. Жанры лирической поэзии многообразны и сложны. Суть вопроса в авторской позиции, в активности его мысли и чувства, в пафосе его творчества. Часто за «приме-

тами времени» скрывается созерцательный взгляд на жизнь, внутреннее «отключение» поэта от токов высокого напряжения, которыми насыщено время, наша эпоха.

Может ли быть преодолена эта созерцательность? Конечно, может. В поэзии Павла Кустова есть немало ярких, темпераментных стихов, которые созвучны мыслям и делам современников, которые могли родиться только из повседневного общения с простыми тружениками земли. Знаменательные слова писал П. Кустов в стихотворении «Творчество»:

Огнеупор — поэта слово.
Бросай творенье хоть в очаг, —
Его добротная основа
Прокалена в семи печах.

«Добротная основа» творчества П. Кустова — это многие годы его жизни среди северян — колхозников и лесорубов, поморов и плотовщиков, охотников и сельских интеллигентов. Его «добротная основа» ощущается в сокровенном знании северного быта, в демократизме, простоте и искренности лучших стихотворений. Она, постоянно обновляемая поездками на Север, к землякам, еще не раз послужит поэту в его новых начинаниях, как служит созиданию, творчеству человека всякое прочное основание, как служит ему родная земля.

ГОЛОС ПОКОЛЕНИЯ

А мы такую книгу прочитали —
Не нам о недочитанных жалеть!..

С. Орлов.

... Февральские вьюги пообдули снег на взгорках перед безвестной псковской деревушкой Гора. А в низинах, в затишьи, в редком щетинистом ивняке он лежал плотным полутораметровым слоем. Тяжелые танки «КВ», приминая ивняк, оставляя в снегу глубокие колеи, скапливались для атаки. Минута, другая, полчаса... Все чаще и чаще взвихривали снег разрывы мин в расположении танкового полка. Шелестя и шепелявя, пролетали над задраенными люками тяжелые снаряды немецкой артиллерии — гитлеровцы отсекали подходившие к низинке резервы. Через бескрайнее снежное поле катились клубы дыма — деревенька, где засели немецкие войска, горела. Но вот в низкое, обложное небо взвились две ракеты — танковая атака началась. Грузно покачиваясь, срезая днищем хрупкий наст, натужно ревя на подъемах моторами, «КВ» стали набирать скорость. В облаках снежной пыли, в багровых отблесках пламени — башнер вел стрельбу с хода на третьей боевой скорости — вырвалась вперед машина командира взвода старшего лейтенанта Орлова. За ней, глубоко вспахивая снежную целину, шел весь взвод. Выстрел и разрыв сливались в один спаренный удар: противотанковые пушки противника вели по головной машине прицельный огонь. Взвизгнула, ударив по касательной, и ушла рикошетом первая «болванка»,

град осколков застучал по броне — рядом взорвалась немецкая мина. Но по-прежнему сквозь едкий дым газойля, сквозь снежную пыль было видно в смотровую щель, как набегают и набегают под гусеницы снежное полотно поля, как все отчетливее и отчетливее становятся крайние дворы горящей деревеньки...

Больше старшему лейтенанту Сергею Орлову не пришлось ходить в танковые атаки. При выходе из деревни Гора — танковый полк прорывался на стратегически важный разъезд — его машина была подожжена прямым попаданием вражеского снаряда. Глубокая колея, которую оставил танк в снежных заносах, спасла командира взвода: по этой колее, как по траншее, вытащили товарищи его, обгоревшего, залитого кровью, в ближний тыл — в медсанбат.

А в редакции фронтовой газеты, где частенько бывал молодой поэт Сергей Орлов, осталась толстая ученическая тетрадь со стихами. Стихи эти были о войне, о мгинских болотах, о фронтовом братстве, о родном доме, о матери, сельской учительнице, живущей в Белозерье.

Под скупыми стихотворными строчками стояли даты: «март 1943», «июнь 1943», «ноябрь 1943», «февраль 1944» и названия поселков и городов, которые и до сих пор жгуче памятливы бывшим фронтовикам — солдатам Ленинградского и Волховского фронтов: Карбусель, Мга, Волхов, Новгород...

Позднее, в победном мае сорок пятого года, когда демобилизованный по ранению офицер-танкист Сергей Орлов работал диспетчером шекснинского пароходства, этим лирическим наброскам был подведен первый итог:

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке под огнем.
Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...

Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках.

Да, прав был поэт — как он сам выносил из-под обстрела пропахшие порохом, солдатским потом, сталью, землей и талым снегом стихотворные строки, так его па-

мятная тетрадь была вынесена из боев, сохранена друзьями вплоть до окончания войны, а затем переправлена поэту на родину, в Белозерье. Эта-то тетрадь и явилась основой первого сборника стихов Сергея Орлова «Третья скорость», вышедшего в Ленинграде спустя год после Дня победы.

* * *

Сергей Сергеевич Орлов — наш земляк, вологжанин. Родился он в 1921 году в селе Мегра, Белозерского района. Через много лет в краткой автобиографии поэт запишет, что детством для него стали белеющие березы, пламенеющие рябины, ночные всполохи зарниц, огромный слюдяной простор Белого озера. В этом красочном перечислении можно ясно ощутить возвышенное отношение поэта к скромной «северной земной красе». Но таким он был в своих первых стихах, таким он прошел сквозь испытания военных лет.

Стихи С. Орлов начал писать подростком. Некоторые из них были напечатаны в областной газете «Красный Север», некоторые — в «Комсомольской правде», одно — в «Литературной газете». Называлось оно весьма характерно «Приглашение на Север» и было выдержано в былинном, народно-песенном стиле. После окончания десятилетки С. Орлов пароходом уезжает в Петрозаводск — в университет, с твердым желанием писать и печататься. Но грянула война, и студент-первокурсник вместе со своими товарищами вступает в истребительный батальон. Затем — танковое училище, Волховский фронт, мгинские болота, ночные марши, танковые атаки и, наконец, тот тяжелый бой возле деревни Гора, с которого я и начал свое повествование.

Как видим, биография С. Орлова — сколок с биографии всего его поколения, которое в послевоенные годы уверенно о себе заявило стихами и поэмами А. Недогонова, М. Дудина, С. Гудзенко, М. Луконина, М. Карима, Л. Хаустова, А. Межирова, В. Субботина и многих других, чей вклад в советскую поэзию вполне очевиден, чьи имена ныне широко известны читателям. Однако «Третья скорость» выделялась даже среди лучших послевоенных сборников ясностью и мужественностью стиха, душевным запалом и густой, обжигающей метафоричностью. Новый голос сразу же заметили читатели и

литературная критика. «Поэт-танкист» — так стало принято говорить о Сергее Орлове с тех пор. В общем-то это справедливо, хотя и не раскрывает всего того нового, что внес С. Орлов своим творчеством в советскую поэзию послевоенных лет.

Его лирические стихи вобрали в себя не только конкретную биографию танкиста Сергея Орлова, но и биографии тех земляков и побратимов, с кем ему пришлось делить последнюю щепоть махорки, вдыхать хмельной ветер танковых атак, грустить о доме и распевать протяжные украинские песни «Ой ты, Галю» или «Посияла огирочки»...

Четыре года не снимавший солдатской шинели, прошедший с боями «всю вселенную», герой стихов С. Орлова за годы войны стосковался по плугу, его «тянули, как магнит», родные просторы и поля. Этот обобщенный образ советского воина, встающий из стихов С. Орлова, был, конечно, сокровенно родственен поэту и в то же время отличен от него: бывший студент историко-филологического факультета не мог так тосковать о теплых рукоятках плуга, за которыми отрадно хлеборобу пройти по обсушенной весенним солнышком пашне! И все-таки проникновенная любовь к земле, густые земные соки, которые бродят в поэзии С. Орлова, эта привязанность к людям труда — органически присущи его творчеству, как и многим его современникам. Хорошо от их имени сказал Александр Твардовский: «Мы все — почти что поголовно — оттуда люди, от земли...»

Она разная, эта любовь к земле в стихах С. Орлова, то щемящая печалью, то заставляющая сердце сильнее биться от восторга и воодушевления, то обращенная к родным березкам и рябинкам, то ко всей вселенной. Вот в осенний хмурый день «погреться у костров рябины сошлись избушки деревень». По пустынным пажитям пробегает воинский эшелон, «мелькают в глубине вагонов шинели серые, штыки»...

Под ветром шелестит березник,
Ему последний лист ронять...
И женщина у переезда —
Солдатская, должно быть, мать —
Глядит на поезд без движенья,
Подняв ко рту конец платка.
В глазах ее — благословенье

И древняя, как мир, тоска...
Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать-Россия,
Глядишь вослед своим сынам?

Не будь последней строфы, и перед нами была бы правдивая зарисовка военных лет, проникнутая щемящей тоской и печалью. Но в интонационном переходе «Ой вы, дороги...» есть и солдатское удалство, сливающееся с большим раздумьем поэта о судьбе матери-Родины, которая благословляет своих сынов на ратный подвиг и скорбит о тех, кому не суждено вернуться с кровавых полей войны. Любовью к родине, к советской России, к ее воинам и защитникам проникнуто и стихотворение «После марша». Но как оно отличается по интонации от только что процитированной «Осени». После утомительного марша наконец-то раздалась долгожданная команда — «Привал!..» Скорей бы стянуть комбинезон с плеч — и в тень, в траву...

Но только прежде
Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы все перенесем с тобой.
Мы люди, а она стальная...

Об этом стихотворении можно сказать, перефразируя Маяковского, что оно крепко, как спирт в полтавском штофе. В неожиданном смысловом повороте: «Мы люди, а она стальная» — забойной концовке стиха — заключено большое содержание: даже сталь не выдерживает там, где выдерживают, где все переносят и побеждают советские люди, воины нового склада. Эту твердость им придает великая правда коммунизма, которую они по велению сердца защищают до последней капли крови. Вот почему голос поэта звенит, когда он говорит об этой великой правде века.

На кострах умирали когда-то
Ян Гус и Джордано Бруно,
Богохульную истину
Смертью своей утверждали...

С далекой исторической параллели начинается заключительные строчки стихотворения «У сгоревшего танка» Сергей Орлов. Но от подвига борцов за гуманизм, за

светлое будущее человечества поэт делает рывок через столетия и ставит в один ряд с их всемирно известными именами подвиг своих рядовых однополчан-сверстников:

Люк открой и взгляни в эту башню,
Где пусто, черно —
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!

Эта великая ленинская правда человечества вела однополчан поэта сквозь пламя небывалой в истории народов войны: вот почему для выражения их чувств, для выражения собственных переживаний поэта потребовались слова, обжигающие, как раскаленный металл, и образы, поражающие своим размахом. И такие образы возникли, такие стихи родились. Это, в первую очередь, стихотворение «Его зарыли в шар земной», которое неоднократно цитировалось, но которое я не могу не процитировать вновь.

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремут,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

Стихотворение это начинается как солдатский сказ — прямым, негромким обращением поэта-собеседника к однополчанам. Но его торжественная печаль смело и точно облечена в «космическую» плоть — Земля, миллионы лет летящая по своей извечной орбите, стала мавзолеем для простого русского парня — солдата «без званий и наград». Есть от чего захолонуть сердцу!

Эта же «космичность» образов имеется во многих других стихотворениях Сергея Орлова. Таково, к примеру, стихотворение «Атака на рассвете»: восходит солн-

це, и немцы, «как очумелые», начинают палить из минометов. Но несметной силой встают атакующие бойцы и штыками «как бы дорогу для светила прокладывают в злом дыму». Или стихотворение «Вот человек — он искалечен». Человек искалечен, но ты, его современник и соотечественник, гляди в его лицо, не отводи взгляда от багровых рубцов и шрамов, ибо тяжек был его путь к победе и «не думал он о себе в пути», чтобы мирная жизнь народа, победа народа была такая: «взглянуть — и глаз не отвести!»

Этот внутренний накал в поэзии С. Орлова, эта гиперболичность образов обличает в нем художника романтического склада, поэта-романтика.

Таковым он и является в действительности.

Мы неохотно говорим о романтизме в стихах современных поэтов, особенно молодых, может быть потому, что к иным невыразительным, поэтически бескрылым сборникам, выходящим в различных издательствах, это понятие никак не подходит. Однако, оценивая творчество Сергея Орлова в целом, нельзя не почувствовать, что именно революционной романтикой овеяны его лучшие стихи.

На новом жизненном материале, в своеобразной творческой манере поэт продолжает традиции революционно-романтической поэзии Н. Тихонова, М. Светлова, Б. Корнилова, Э. Багрицкого, В. Луговского. Эта творческая преемственность закономерна, ибо она определена героическим характером нашей советской эпохи.

Романтика — это не только в книжках!
И в жизни место у ней свое, —

пишет С. Орлов. Поэт не только ощущает романтическое в жизни, в действительности, он умеет видеть и отобразить возвышенность помыслов и дел своих современников.

Романтизм в прошлом веке чаще всего был применим к мятежному герою, противостоящему своему обществу, времени, своей эпохе. И хотя Белинский в романтизме выделял прежде всего субъективный элемент, говорил, что новый романтизм — в отличие от средневекового, реакционного романтизма — «есть не что иное как внутренний мир души человека, сокровенная жизнь его сердца», бесспорно, что и для него «благородное негодова-

ние» мятежной непокорной личности против существующих порядков и социального зла было главным в «новом романтизме».

Романтическую окрыленность наши советские поэты черпают в слиянии с величайшими движениями эпохи, в слиянии с подвигами и трудами народа, приступившего к коммунистическому преобразованию мира. Отсюда рождается ощущение приподнятости, яркого оптимизма, силы:

Я строил окопы и доты,
железо и камень тесал,
и сам я от этой работы
железным и каменным стал.

(Я. Смеляков).

Это чувство победной приподнятости, силы присуще и С. Орлову. «Мы жизнь свою, как песню, пронесли», — обращается он с вызовом к иным альбомным лирикам, которые непрочь посокрушаться о недопетых песнях и недоцелованных девичьих губах. Нет, иной пафос вдохновляет С. Орлова, иные чувства обуревают его:

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.
Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли...
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы все сложили в жизни, что могли...

Поэт счастлив, что он приобщен к бессмертной славе вооруженного народа, что с гвардейского знамени на него смотрел товарищ Ленин и «лично вел» его в танковые атаки, что скупое сообщение Информбюро «о пути-дороге нашего полка», как самое великое творенье, «пройдет в века, переживет века»...

Но романтическая взволнованность не мешает С. Орлову быть подлинным реалистом. Он рассказывает о Великой Отечественной войне, о своих сверстниках и однополчанах, не чуждаясь деталей окопного быта: «солдаты спят — они за день устали, храпит прокуренный насквозь блиндаж»; ходовых солдатских словечек: «стукнуть, так сказать, по банке, завалиться на ночь спать»; резкого изображения непомерных тягот и трудностей, испытанных бойцами на войне.

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву...
Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И посмотрели за неделю сны...

Без этих деталей, без этой художественной конкретности немыслима подлинная поэзия. «Конкретность есть главное условие истинно поэтического произведения» (Белинский). Но все же не это главное в творчестве Сергея Орлова.

Думая о биографии своего поколения, которое в предвоенные годы еще не определило своих жизненных путей, которое встретило развязанную гитлеровским фашизмом войну, как тяжелое, но неизбежное испытание всех волевых и душевных качеств, С. Орлов ставит основной вопрос, волнующий его сверстников. Это вопрос о том, что сыграло решающую роль в формировании их духовного облика и мировоззрения, что определило их стойкость и мужество в годы войны. После первой мировой войны в западной литературе появилась целая плеяда писателей «потерянного поколения». Минувшая вторая мировая война также вызвала к жизни старые мотивы «потерянного поколения» или новые декларации «разгневанных молодых людей». Пример советских поэтов третьего поколения, поэтов-фронтовиков, среди которых можно назвать и имя Сергея Орлова, говорит о том, что какие-либо настроения потерянности, разочарованности, крушения идеалов юности им совершенно чужды. Наоборот, как писал Луконин в стихотворении «Пришедшим с войны», «нам трудом обновить ордена и почет, жажда трудной работы нам ладони сечет...» Не до пессимистических размышлений об утраченных в окопах иллюзиях юности было и лирическому герою Сергея Орлова: необходимо было, восстанавливать разрушенные войною города и села, учиться, строить жизнь. «Время обстричь рубанки, топоры и зубила», — писал С. Орлов в 1948 году. Но что же определило этот неиссякающий, неперегоревший в огне войны оптимизм поколения? На этот вопрос и отвечают многие лирические стихи С. Орлова, и в первую очередь «Приснилось мне жаркое лето».

Стихотворение обобщает размышления лирического героя. Наивно безоблачное счастье парнишки «с доверчивым взором», которому предстоит увидеть фронтовые пожары, ходить в танковый прорыв, писать солдатские стихи. Наивна и трогательна любовь девушки к этому «русому мальчику», так и не заметившему ее любви. Но мир, окружающий их, настолько светел, поля так широки и просторны, что случившаяся размолвка, как весенний дождь, лишь освежает чувства героев, вселяет в них жажду жизни и счастья. Шагает напрямик по полям парнишка «в кубанке овсяных волос»:

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем...

В этой щедрости природы и «половодии чувств» стихотворения заключена глубокая мысль о том, что советская действительность воспитала этого парнишку свободным, гордым человеком, способным перенести любые трудности и испытания во имя независимости народа. Но биография поколения была бы неполна, если бы поэт рассказал только о безоблачном счастье юноши, едва вступившем в жизнь. Как ударная волна, захлестывают его другие воспоминания, тяжелые и трагические. Он тут же припомнил, как «ревел над землею металл», как «в черных окопных потемках» было томительно ожидание писем любимой, как падал он «в травы устало, не помня уже ничего»... Голос поэта прерывается, вместе с ним, оглядываясь в прошлое, мы делаем паузу — и вот заключительные строки:

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

Счастье русоголового школьника — не хрустальная ваза, которая вдребезги разбилась в первые дни войны. Это — добрый и любвеобильный мир, который предстояло защищать в кровопролитнейших боях, который придал силы и мужество поколению, шагнувшему со школьного крыльца во фронтовые траншеи и блиндажи. Все это: фронт, гибель друзей, освободительный поход в Западную Европу — надо было пройти, и герой стихотворения «Приснилось мне жаркое лето» все это прошел,

обретя душевную закалку и в огне испытал свою любовь к Родине. Вот почему поэт не окликнул его на заре юности.

И в послевоенные годы Сергей Орлов остался человеком военной, боевой биографии. Он часто бывает в частях Советской Армии, выступает со стихами — держит своеобразный «экзамен» в армейских клубах перед солдатской аудиторией. Его впечатления о трудной службе пограничников, о молодых солдатах, пришедших в воинские подразделения на смену ветеранам, нашли отражение во многих стихотворениях последних лет. Повстречался поэту молодой, к счастью, как говорится, не нюхавший порошу, солдат-земляк. Размышляя о его службе в Вооруженных Силах, поэт уверенно говорит:

На него надеются по праву,
Так же, как когда-то на меня,
В главном штабе маршалы державы
И в колхозе вся его родня.

В целом ряде публицистических стихотворений Орлова находит отклик готовность участников Великой Отечественной войны, в случае военной угрозы, встать на защиту мира. Как и любому из них, поэту радостно сознавать, что при выносе боевого знамени, когда замрут шеренги бойцов, в тишине ему дано «с армией припомнить заодно: поля, полки, дороги, битвы, страны». Занятые мирным трудом, его бывшие однополчане не намерены предаваться благодущию. Нет, поход продолжается!

Пусть нас иной теперь волнует труд.
Но, услышав глухой дизельмоторный
Издаেকে до нас дошедший гром,
Мы встанем здесь — механики, башнеры —
И номера полков произнесем!

Даже в районном северном городке, где довелось побывать поэту, он попутно замечает, что в городском саду

...уже без орденов и планок,
Пиджаки накинув на девчат,
Ходят нынче парни под баяны.

А где-то на краю земли, на нынче пограничной заставе идет проливной дождь и близко к полуночи вклю-

чает начальник заставы приемник. Стрелка ползет вдоль шкалы, и офицер-пограничник то припомнит Софию, то Бухарест, то родной Арбат, когда «куранты гремят на границе у самого края страны». В этот мир доброго человеческого настроения и душевной теплоты врывается суровая и тревожная жизнь погранзаставы. Возвращается из наряда дозор, усиливается дождь и начальник заставы

... старшину вызывает:
«Удвойте наряд, старшина».

* * *

У многих есть свои излюбленные пословицы, изречения или афоризмы, которые повторяет человек, оставаясь наедине с самим собой, размышляя о жизни, переживая трудную минуту. Наиболее полно поэзию и биографию Сергея Орлова выразили бы следующие строчки старинного поэта: «Жизнь — это дорога, а над ней звезда!..» С дорогой — фронтовой лежневкой, сельским большим, разбитой снарядами автострадой — связаны у него впечатления военной поры, с дорогой связана его жизнь и в послевоенные годы. «То меня на север, то на юг дальняя дорога уносила», — пишет он в стихотворении «У себя дома». И только в родном северном городке Белозерске все недосуг было ему побывать. Видя повсеместный строительный размах, гигантские подковы Сталинградской и Куйбышевской ГЭС, новостройки Урала и Сибири, города Западной Европы, поэт думал, что только его родной городок «не растет, не строится как надо»:

Вкруг него, как видно, не найдут
Никаких таких месторождений,
Только реки сонные текут,
Льны цветут, да облака плывут,
Да базар шумит по воскресеньям.

Но приехав однажды, он видит, что и в этом, как бы раньше сказали заштатном городке, творятся чудеса: выросли сверстники поэта и ныне во всех уголках страны «крупными ворочают делами», строятся дома, растут сады. Шура Капарулина — кружевница местной артели — поет так, что заслушался заезжий лектор, «оперы любитель, театрал».

«Край огромных работ и счастья», «необыкновенная страна», — так определяет поэт рядовой северный район. В недавно вышедшей книге «Голос первой любви» С. Орлова это ожидание необыкновенности, повсеместного «чуда» еще более усилилось. Вот поэт, основываясь на детских впечатлениях, сказочно украшает родной Белозерск — «безгрешного детства чудо — мой Акрополь в лесах зеленых», вот «в черемухе и звездах ночь кружится необычайной, редкой красоты», немеют соловьи и «полон белый свет простых чудес», вот на вокзалах расположился командированный, дорожный, путешествующий и переселяющийся народ; вокзалы эти видятся поэту «царствами стали, пара и огня», вот толкуют в районной чайной белозеры — «министры поля и реки». «Министрами» их поэт называет потому, что они подлинно государственные люди, потому что

Без них не выдаст хлеб район,
Не встанет дом, не ляжет лес,
Не вырастет красавец лен,
Не знать земле чудес.

Иногда поэт как будто бы нарочито заставляет себя искать эти «простые будничные чудеса» в жизни, это необычайное в повседневности. Такой метод осмысления действительности характерен был для другого ярко выраженного поэта-романтика — для Владимира Луговского.

О, сколько лет я, жадный, добиваюсь,
Чтоб сделался обычный мир волшебным.
Я жизнь свою, как ветку, положил
На красном ослепительном пороге
Необычайности...

(«Середина века»).

То же самое можно сказать и о Сергее Орлове — он настойчиво и последовательно добивается, чтобы «сделался обычный мир волшебным», он ищет выдающееся в рядовом, примелькавшемся. Иногда это приобретает характер условный, иногда поэт впадает в ложноромантическую красоту — таково, например, его большое стихотворение «В метель». Иногда однообразие приема наводит на прустные размышления о попытках поэта перейти на иждивение к собственным удачам. Но главное нельзя здесь не видеть, и это главное заключается в том,

что Сергей Орлов, поэт, обретший свой голос в дни Великой Отечественной войны, и в послевоенный период остался верен своему мироощущению, восприятию действительности в ярком, героическом свете. Не сразу, конечно, в стихах о земляках-белозерах: полеводах, трактористах, лесоведах — были достигнуты подлинные успехи. Многие шло от моды, от условного, общепринятого изображения трудового энтузиазма наших людей.

Глубокая взволнованность С. Орлова увиденным и пережитым на войне поначалу чувствовалась в том, как поэт изображал северную природу. Так, скромные русские березы, не раз бывшие предметом лирического вдохновения, в стихах С. Орлова бронзовели: «березы, словно памятники лету, из серебра и бронзы отлиты»; клены, как часовые, «в плащпалатках зеленых» стыли у окон солдатской столовой. А вихрастый «в рубашонке выцветшего ситца» парнишка запустил голубя так, что

Виден голубь в поле трактористу,
Виден и девчатам за леском,
Как звезда-снежинка в небе чистом
Над одноэтажным городком.

Поздней осенью по берегам Шексны и Сухоны

Журавлиного войска высокие трубы
Поднимаются в небо в назначенный час.

Величавость природы в стихах Сергея Орлова определена была тем, что окружающий мир он воспринимал глазами солдата, остро и сильно почувствовавшего в разлуке, «что значит для него земля». На долгие годы, если не на всю жизнь, «в огне багровом потонули дали и в памяти остались пламенеть». И только со временем поэт четко формулирует понимание красоты природы и красоты всей нашей советской действительности:

Я верю, что земли краса
Вся —
Дело человеческих рук.

Положив «жизнь свою, как ветку, на ослепительный порог необычайности», Сергей Орлов особенно в последних стихотворениях запутывает, «переметафоризирует» свои стихи: пытается внести «романтическое чудо»

искусственным путем. А жаль. Ведь об одном из своих героев он очень правильно сказал:

Жизнь перед ним — рекой широкой,
Как в реку он в нее влюблен.

Широкая и полнокровная река народной жизни даст поэту обильный материал и для философских раздумий, и для публицистических стихов, и для восторженного романтического удивления перед делами и подвигами современников. Пусть же эта река жизни даст дыхание и новым поэмам, новым произведениям поэта Сергея Орлова.

ПОЛЕТОМ СЕРДЦА, ВЗОРА, КИСТИ...

... Силы Родины меня питали.
Алексей Недогонов.

Был он, по воспоминаниям людей, близко его знавших, худощав, подвижен и черноволос — рабочий паренек из Шахт, отчаянный книголюб, лучший нападающий футбольной команды в студенческие годы, доброволец в период финской кампании, храбрый офицер, добрый товарищ и талантливый поэт в дни Отечественной войны. От важнейших событий своей эпохи он не отсиживался «за плотной комнатною шторой, за прочным письменным столом». Нет, вся жизнь его была бивуачной, походной, стремительной, такой, как он описал ее в «Биографии»:

Я не помню детской колыбели.
Кажется:
я просто утром встал
и, накинув бурку из метели,
по большой дороге зашагал.

Эта большая дорога была дорогой его народа, его сверстников и однополчан. И вместе с ними он не только познал окающую тоску траншейных будней, прошел в солдатских колоннах едва не «полпланеты», услышал гром победных салютов, но и много раздумывал о войне, думал над тем, что делает с душою человека война. Погиб Алексей Недогонов 13 марта 1948 года трагически и неожиданно для всех, успевших полюбить его стихи и его только-только что опубликованную поэму «Флаг

над сельсоветом». Но и сейчас — спустя двенадцать лет — перечитывая книги поэта, каждый раз открываешь новый поэтический мир, где радуют и восхищают и тонкое мастерство художника-пейзажиста, и публицистическая страстность поэта-трибуна, и зрелость лирических раздумий поэта-мыслителя.

А. Недогонов много писал о суровой судьбе своего поколения, о сверстниках — товарищах по оружию. Но его поэзия целиком принадлежит и сегодняшнему дню. Она современна активностью патриотических устремлений, глубокой человечностью, ненавистью к миру «кошунства и зла», который «не спит, одинокое сердце пугая». Она близка нам смелостью образов, решительностью ритмов, широтой авторского кругозора, охватывающего всю — от Дубровки до Кавказа — поднимающуюся из развалин родную землю, животворные силы которой питали поэта в его первых ученических опытах, в его зрелых, выношенных раздумьях военных и послевоенных лет.

Задолго до того, как лирический герой Недогонова надел солдатскую шинель, он встретился с суровой необходимостью готовить себя к предстоящим боям.

Здесь были и воспоминания детских лет об иностранных солдатах «в премучих, тупоносых сапогах» («Ястребенок», «Каска»), и услышанные или вычитанные рассказы о гражданской войне, и подсказанное современностью чувство тревожного ожидания дальнейших событий («Прощание»). Конечно, в довоенных стихах А. Недогонов не обошелся без учебы у старших товарищей-поэтов, без книжности некоторых образов и представлений. Так, например, сюжет стихотворения «Не случилось ничего», бесспорно, навеян известными стихами И. Сельвинского «Ничего не случилось, пожалуй», а в «Голубке» можно уловить песенные интонации и образы, характерные для поэтики Исаковского.

Но главное было все-таки в другом, а именно в том, что поэт необычайно остро ощущал предгрозовую атмосферу конца тридцатых годов и сумел ее по-своему передать в лирике.

В его стихотворениях тех лет ясно различаются два лирико-философских мотива; с одной стороны, — восторженное признание в любви к «земной красоте», величальная песнь в честь сладкого очарования «осени — поры люб-

ви», и с другой, — настойчиво повторяемая тема «предгрозя», тема природы, в которой «духота гремучим зноем налита». Но всюду — предчувствует ли поэт «грядущих бурь начало» или радуется вечному обновлению трав и растений, он стремится рассказать «о времени и о себе». В одном из неопубликованных до сих пор стихотворений, помеченных тридцать пятым годом, Алексей Недогонов писал:

Может, я
не узнаю, не визнаю
этот мир.
И в железном бою
задохнусь
и повисну над жизнью,
не окончивши песню свою.
Это будет весною. Над почвою
хлынет влага. Пойдет по стволу.
По ветвям. Образуется почкою.
Глухо лопнет. И листья — во мглу.
Вот и вечность!
Бери, —
но не выменяй
за спокойное русло крови.
А моим незначительным именем
это дерево назови.

Сквозь пороховую гарь, сквозь кровавые отсветы недалеких пожаров Недогонов прозревает трагическую гибель своего лирического героя, но мать-природа, народ будут существовать вечно и это вечное торжество жизни укрепляет душевные силы шестнадцатилетнего поэта. Многим позднее, в глухом румынском городке, в первый послевоенный год, Недогонов снова вернется к этой мысли и скажет пророчески о себе: «вот и стану — запахом растений, звуком, ветром, что цветы колышет...» Бытие человеческого «я» для него всегда было лишь частицей бытия природы, матери-земли, которая не что иное, как «извечное начало жизни нашей, счастья и любви...»

Если присмотреться внимательно, то будет очевидно, что и лирическая свежесть стихов Недогонова рождается, прежде всего, за счет «сердечной симпатии ко всему живому» (Белинский). Мы всюду ощущаем «чистейших радуг акварель» недогоновской палитры, всюду видим острый взгляд талантливого художника. Он подмечает, например, как, дожидаясь первого солнечного луча, «на

цыпочки встали растенья и смотрят глазком на восток», он пишет о «доброй планетке зерна», на которой «апрельское солнце играет», он знает, что «будут пахнуть сумерки у плеса овсюком — травую полевой».

А сколько поэтической зоркости в стихотворении «Осень», воспевающем первую послевоенную «милую русскую осень!» Художественная деталь «пробуют усики заячьи танковый след вдоль обочины» гораздо точнее прикрепляет это стихотворение ко времени, чем десятки пространных декларативных описаний.

Любовь к Родине лирический герой Недогонова пронес сквозь тяжелейшие испытания двух войн.

Сыновьей любовью
я землю свою полюбил,—

воскликает поэт в одном из послевоенных стихотворений «Земля». Эту любовь он оправдал всем своим творчеством, всей жизнью. Бесконечно влюбленным в «промытый, свежий, новый мир» предстает перед нами подросток, житель шахтерской слободки, каким был лирический герой Недогонова до войны. Его самым жгучим, сокровенным желанием было желание ощутить празднество бытия «сердцем, глазами, телом», проникнуть в «заветное» природы так, чтобы прямо к сердцу хлынуло «тонкое ощущение легких запахов сентября».

Обращаясь к мысленному собеседнику, поэт радостно спрашивает: «Видишь, как над миром рассветало?» И в этом вопросе слышится его гордость за свою залитую солнечными лучами отчизну. А отсюда — из этого волнующего чувства близости к матери-природе — естественно рождалась готовность защитить ее от посягательства любого врага, рождалась тема воинской доблести («Дайте башню для броневика! Возникайте, бури, если надо!»). Получалось это так потому, что воспринимая природу как радостное начало «нашей жизни, счастья и любви», Недогонов далек от настроений безмятежности. В самой природе он чувствует тревожное ожидание. Вот на заречный аэродром с запада идет гроза («Перед грозой»). Но в вспышках электрических разрядов «спокоен, строг» ряд самолетов у ангаров. Поэт со своей подругой, застигнутый врасплох внезапными порывами ветра с дождем, также спокоен. Только многозначительное упоминание: «перед грозой мы о Европе

говорим» выдает серьезный и напряженный подтекст этого стихотворения. В «Предчувствии» вновь повторяется этот мотив: «ночью шла гроза, корежа клены, сны ломая, руша погреб...» Поэт захвачен пока еще неясным ощущением надвигающихся событий, он — весь внимание, кажется вот-вот и он услышит наяву, как

Мимо пролетают эскадроны,
И ревет походная труба.

Но рядом с этими тревожными и суровыми стихами соседствует удивительно прозрачная лирика русской осени, поры поэтического вдохновения и любви.

Осыпаются клены.
Анна!
К синю морю ушли дожди;
ты меня на рассвете рано
обязательно разбуди...

Острые впечатления, которые дала Недогонову «большая война», необычайно расширили его нравственный и духовный кругозор, внесли в его понимание «философии природы» новые, существенные черты. То, что раньше предчувствовалось и предполагалось, стало конкретным жизненным опытом, стало убеждением. В стихотворении «Моя природа» Недогонов писал:

Я узнаю, я узнаю
и я объемлю
душою всей — ее, мою
родную землю.
Ее. Мою.
Я вижу в ней —
в бессмертной тверди —
свет коммунизма, что сильнее
врагов и смерти!

Здесь «личное», лирическое восприятие природы служит для выражения общественных взглядов и убеждений автора, его понимания характера и сущности советского патриотизма. «Личное» и «общее» образуют органический сплав, в котором «личное» усиливает звучание «общего», а «общее» придает глубину и значимость «личному».

«... Истинные поэты постепенно, с течением времени, становятся глубже и совершеннее в своих творениях», — указывал В. Г. Белинский. То же самое мы наблюдаем в

поэзии Недогонова. При столкновении с фронтовой действительностью ему пришлось «вышвырнуть к чертовой тете» все «изысканные фразы», которыми он нет-нет да и грешил в своих юношеских стихах. «Книжная романтика войны! Где ты?» — с усмешкой обращался поэт к своим довоенным, казалось бы, таким ярким и конкретным представлениям о войне. Действительность была суровее, трагичнее, возвышеннее, проще. Только в ней черпает поэт свои творческие силы. Он припадает к ней, как припадал к походным протокам и лужам в «жажде оглохший».

Я пил эту воду на юге,
веселый,
струящийся звон...

(«Источник»).

В центре поэтического повествования Недогонова всегда стоит советский человек — защитник социалистического Отечества. Поэт полемизирует с теми «баталистами», которые крикливой и броской фразой о мужестве, о воинской доблести прикрывают свое равнодушие к подлинному героизму. Он восстает против условности и схематизма, в каких бы формах они ни проявлялись. Поэт показывает, что даже в моменты высшего напряжения сил человек продолжает надеяться, любить, грустить... Эта подлинно гуманистическая позиция позволила Недогонову показать в своих героях, идущих на подвиг и свершающих этот подвиг, не минутное ослепление бойца, разгоряченного битвой, а сознательный героизм солдата-патриота, который знает, во имя чего он идет на смерть. В стихотворении «На войне» поэт рассказывает о безвестном сапере, которому перед решительным смертельным броском на амбразуру вражеского дота, «может быть, взгрустнулось». И оттого, что поэт в самый трагический момент услышал биение живого человеческого сердца, и сам герой и его подвиг становятся ближе и доступнее нам. После боя сапер лежал в «глухом траншейном рву»

мертвой головою —
на Москву,
сердцем отгремевшим —
на потомков.

Голос поэта возвышается до патетики, он находит образы, соответствующие героическому поступку солдата. И потому что при жизни этот солдат был по-человечески понятен и дорог поэту, все теперь напоминает о нем, все оживляет память о его бессмертном подвиге; даже незамысловатая песенка про гибель кочегара стала поэту «дороже всей вселенной». Именно здесь, в заключительных строчках, прорывается долго сдерживаемое волнение поэта. Когда он говорит, что «в суতোлке фронтной, военной», в «праздники, когда поет фанфара»,

песенку про гибель кочегара
равнодушно слушать не могу, —

предельное напряжение этих заключительных строк властно захватывает и надолго покоряет нас.

«Секрет» потрясающего до глубины души лиризма стихотворений Алексея Недогонова заключается как раз в том, что он не умел и не хотел ни о чем говорить «вполголоса». В каждую поэтическую строчку он вкладывал весь жар своего сердца, всю свою страсть. И чем страстнее относился поэт к своим героям, чем взволнованнее был он от пережитого, тем ярче находил он слова для выражения своих чувств, тем смелее и убедительнее были его образы.

Выноси,
мужайся
и терпи!
Не легка судьбина фронтовая.
Хочешь спать —
ложись в сугроб и спи,
опаленных век не закрывая;

Хочешь пить —
мечтай о роднике;
хочешь жить —
умри, не отступая!

Здесь волевая «хватка» поэта, мужественность и энергичность его интонации достигают большой художественной выразительности. Эта решительность поэтического почерка была характерна для всего творчества А. Недогонова. Его талант тем и прекрасен, что он развивался в активном наступательном духе нашего времени, по одной из магистральных линий советской поэзии, имеющей свои богатейшие традиции.

Ощущение исторической правоты народа, вооруженной рукой защищавшего свое свободное и независимое существование, придавало не только патетическое звучание большинству стихотворений Недогонова, но и позволяло с особой остротой видеть и понимать окружающую действительность. Оно не давало очерстветь сердцу поэта, захололнуть от ежедневных картин смерти и разрушения.

В дни, когда «воздух был плотным, как железо», когда сутки напролет гроыхал «уральский бог землетрясения — стальных кровей дивизион», взору поэта было доступно все реальное многообразие жизни. Вот в домик, где расположились солдаты-разведчики, герой стихотворения «Воробей» принес барахтающийся «комочек живого тельца» — подобранного им маленького воробья. Пехотинцы каждый по-своему стараются проявить о нем заботу. Эта живая жанровая сценка, согретая доброй улыбкой, в новом свете показывает быт фронтовиков, их душевную щедрость и отзывчивость. В стихотворении «Весна на границе» описывается фронтовая природа. Над солдатскими окопами, «метели клином вышибая, на Каму плыли журавли». И молодого бойца, который не раз «веселым сердцем» рисковал, вдруг потянуло в родные края. Ему захотелось хотя б «одно мгновенье на милой Каме побывать». Но

...взглянул солдат вокруг окопа:
в траве земля,
в дыму трава,
Пред гребнем бруствера —
Европа,
за гранью траверза —
Москва!

Широкий и открытый взгляд советского воина-освободителя на мир, на окружающую действительность особенно талантливо выражен в стихах Недогонова о жизни за рубежом. Вновь перед нами во всем величии встают эпизоды радостной встречи с братским болгарским народом, «признание дружбы святой» крестьянами Закарпатья. В памяти поэта мелькают картины исторического прошлого обоих народов: «и бой, и бегство янычар, и русских труб литые звуки, и ликование болгар». Повествуя о символическом рукопожатии русско-

ю, советского солдата и болгарского стрелка на Шипкинском перевале, поэт замечает: «на родных языках говорили они, здесь, на бранной земле, породнившись навеки».

Во весь рост мы видим лирического героя Недогонова — офицера Советской Армии — в стихах, посвященных Венгрии начала 1945 года («За окнами стужа...», «Переправа Дунафельдвара», «Висонтлааташра, капитан»). Иная, более сдержанная окраска у этих стихов. Но если определить их общий пафос, то этим пафосом будет чувство справедливости и душевной человеческой отзывчивости, не перегоревшие в огне тяжелой войны. Почти все свои стихи Недогонов «сочинял в походе». Но в каких бы трудных условиях ему ни приходилось работать, его произведения не несут печати «эскизности». Так, услышанная в глухом предместье грустная песенка «Висонтлааташра, капитан» («До свиданья, капитан») навела поэта на глубокие размышления о страданиях народа на войне, о том горе, которое причинила война простым людям Венгрии. Рассказывая о скорбной хозяйке дома Жужица, которая заводит патефонную пластинку «все одну и ту ж в который раз!», поэт поднимается до высот социального обобщения, ярко раскрывающего гуманизм советского человека:

Мы над скорбью женщины не охали,
не вздыхали
лживым холодком,
спусковыми у виска не грохали,
в двери не стучали кулаком,
мы ей отвечали состраданием,
мы щадили ту слезу в глазах,
что зовется вдовым заклинанием
на кровавых всех материках.

Сила и самобытность художественного таланта Алексея Недогонова отчетливо обнаруживается в стихотворении «Жалость» (1944). В нем поэт вернулся к одному из основных мотивов своего творчества: к теме «земной красоты». Но теперь, в обстановке ожесточенной схватки двух миров, понимание и восприятие земной красоты сильно отличаются от того, что поэт чувствовал раньше. Стихотворение это — сокровенный разговор поэта с любимой женщиной. Поэт задумывается над тем, что весенняя краса природы преходяща, что опавший черему-

ховый цвет «кавалерист затопчет конскою подковой». «Неправда ль, жаль земную красоту?» — спрашивает он у своей любимой. И после некоторого раздумья отвечает: «Да, жаль». Но если говорить о жалости, если затрагивать эту чувствительнейшую струну человеческого сердца, то поэт не может не вспомнить высоту

В семи верстах правее Балатона,
где нежные
цветы,
цветы,
цветы, —
там молча у подножья высоты
схлестнулись два уставших
эскадрона —
с Баварии немецкий,
русский с Дона,
друг друга вырубив...

И, сделав томительно длинную паузу, еще раз мысленно воскресив все, что было пережито, поэт с глухой душевной болью, с упреком заканчивает:

Зачем же мне, Алена,
о жалости к цветам
напоминаешь ты?

Кстати сказать, первый вариант этого стихотворения относится еще к 1940 году: четыре года потребовалось поэту, чтобы «вызрели» в душе слова, преисполненные грусти, горечи и высокой правды.

В том-то и сказалось превосходство всех душевных качеств советского человека — человека новой общественной формации, — что, принимая войну, навязанную нам, как суровую необходимость, он не закрывал глаза на ее жестокую правду, не «примирялся» с нею. Недогонов сумел раскрыть это честное отношение советского человека к войне, выразить подлинно гуманистическую основу своего мировоззрения. Не случайно в «Балладе о железе» он, прибегая к поэтической гиперболе, готов был пойти на то, чтобы из него

...златоустинский мастер
снаряды сработал
и чтоб их Железняк
в зачинателей войн вколотил!

Недогонову была понятна радость возвращения к мирному созидательному труду, жажда мирной работы.

Ведь это о себе им сказаны окрашенные легкой иронией,
но верные по существу слова:

Две войны протопал я в пехоте
Под началом твоим, Аполлон.

Недогонов не знал затяжного, а для иных и чрезвычайно неуверенного перехода к новой, послевоенной тематике. Ясно осознанное чувство исторической перспективы, выкованное в горниле войны, подсказало ему и образы героев, и тематику, и жанр его лучшего произведения. «Флаг над сельсоветом» — первое крупное произведение о «пришедших с войны», о новом в жизни и быту послевоенной деревни.

В поэме отразились достоинства и отдельные недостатки, характерные для целого ряда произведений, посвященных той же теме. Основной конфликт между Егором Широковым и «махровым фронтовиком» Андреем Дубковым, легший в ее основу, оказался настолько жизненным и типичным, что в дальнейшем сходную ситуацию можно было встретить у многих других писателей, особенно молодых. Нельзя не заметить также, что разрешение этого конфликта во второй части поэмы несколько ослаблено, что сказалось и на композиции.

Мастерство Недогонова, его творческая зрелость проявились в том размахе, с которым он отобразил трудовой подъем колхозного крестьянства в первый послевоенный год. Рисуя близких своему сердцу дубровчан — жителей рязанского села Дубровки, — он вдруг одним взглядом охватывает всю Россию, страну «великих лугов заливных», где

ходит,
свищет, налитая,
от Дубровки до Алтая
тыщевеерстная коса.

Эта же мощность образов есть в былинном «зачине» поэмы («Едет, едет старшина по Европе на коне»), во многих описаниях природы, в лирическом обращении к «милой Родине».

Как не раз уже отмечалось критикой, поэме «Флаг над сельсоветом» свойственен народно-песенный колорит. Действительно, фольклорные источники поэмы отчетливо заметны не только в общем звучании этого произведения, но и в обрисовке отдельных персонажей. Так,

изображая Зинаиду, невесту Егора Широкова, Недогонов прямо опирается на русскую народную песню и созданный народной песней образ девушки, ожидающей с войны своего суженого. В то же время, творчески решая проблему «традиционного» и «нового», поэт обогатил фольклорную традицию реалистическим показом всего нового, что вошло в быт колхозного крестьянства в наши дни. Он обогатил эту традицию достижениями современной поэзии, высокой техникой стиха.

Поэма многозвучна и многокрасочна. Каждая глава в ней имеет свою мелодическую основу, свое звучание, образуя гармоническое единство. В каждом конкретном случае поэт находит образы, ритм, интонацию, точно соответствующие данному персонажу или событию. По проселочной дороге едет колхозный тарантас.

И бежит, бежит лошадка
вдоль ольховой просеки.
Даль кружит.
И для порядка
кружатся колесики.

Эти кружащиеся «для порядка» колесики передают самые разнообразные смысловые оттенки: тишину и спокойствие летнего утра, благодушное настроение возницы и, наконец, «мелкость» самого события. А вот по той же проселочной дороге летит райкомовский «Оппель».

И волчком
с двух боков —
в стеклах отраженная —
ковылей, облаков
скорость обнаженная!

Ракетная, «обнаженная» скорость автомашины здесь ощущается с почти физической зримостью.

Подобными примерами ритмического богатства далеко не исчерпывается все многообразие художественных средств, использованных в поэме. Насыщенная светом, теплом, юмором, эпической удалью и размахом, она долго будет жить в народе, доставляя читателям радость приобщения к поэзии высокой и светлой.

Алексей Недогонов был чрезвычайно скромным и гребовательным к себе человеком. Еще до сих пор составители его сборников и, в первую очередь К. И. Поздняяев, обнаруживают на страницах районных многотиражек, красноармейских газет, в архивах поэта оригиналь-

ные, талантливые стихотворения. Ведь А. Недогонов пришел в литературу из среды трудовых людей, он не только любил, но и глубоко уважал песенное, поэтическое слово, как его уважают и любят в народе. Вот почему теперь, когда из печати одна за другой выходят его книги, видно, что все написанное им адресовалось к этим простым, трудовым читателям-современникам, все лучшее было окрылено «полетом сердца, взора, кисти».

О ЛИРИКЕ ТВАРДОВСКОГО

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать Земля!
(Ф. Тютчев).

Как легко сживаемся мы, читатели, с героями полюбившихся нам книг, как долго волнуют нас их судьбы, как трудно бывает расставание с ними! Но еще труднее, еще горше эта разлука для художника: ведь именно он силой своего таланта вызвал их к жизни, вложил в них частицу самого себя.

Боль моя, моя отрада,
Отдых мой и подвиг мой, —

в этом чистосердечном признании, обращенном к мастеру «шутки немудрой» Василию Теркину, скрыты и сожаление, и грусть, и смущение, — короче, все то, что мы испытываем, расставаясь с очень близкими, родными нам людьми. Но как ни трогательны минуты прощания с любимым героем, трезвый, с лукавинкой голос подсказывает художнику, что

... в том беды особой нету:
Песня, стало быть, допета.
Песня новая нужна,
Дайте срок, придет она.

«Дайте срок» — здесь и просьба и глубокая убежденность в том, что новое время рождает новые песни, что жизнь не пройдет и не должна пройти мимо поэта. И как бы ни было трудно «ломать» самого себя, как бы ни был

велик соблазн вступить в привычный след, использовать уже однажды найденное, истинный художник не соблазнится кажущейся легкостью задачи, а приложит все усилия к поиску своих, особых путей.

Итак, мы вновь встречаемся с поэтом. Узнаем ли мы в его «новых песнях» памятные нам черты, тот «большой разворот» поэтической мысли, глубину и ясность отражения жизни, которыми он захватил и увлек нас в прежних произведениях? Да, узнаем. И в то же время это встреча с «знакомым незнакомцем». Дело в том, что за последние годы мы чаще и чаще стали встречаться не с «героями» А. Твардовского, не с образами, родственными Матрене, Бабашке, балагуру деду Даниле, печнику Ивушке, шоферу Артюхе, сержанту Мысенкову и многим другим персонажам «Сельской» и «Фронтовой» хроник, а с самим поэтом, его раздумьями и переживаниями, его личным мироощущением и восприятием жизни. Эпический талант Твардовского, казалось бы, такой знакомый и близкий нам, стал раскрываться с новой, неизвестной стороны. Поэт без колебаний выносит «на народ» свои размышления, огорчения, радости и надежды. Вбирая в себя, впитывая всем сердцем и разумом самое сокровенное в жизни народа — от величественных картин всенародной борьбы за мир до сладкой бодрости утреннего подъема, — он все пристрастнее, все настойчивее ищет прямого общения с «другом и братом» — читателем.

С радостью и волнением знакомимся мы ныне с самым что ни на есть «святая святых» поэта — с его внутренним миром, думами о писательском труде и литературной славе, о смерти и бессмертии, о путях и назначении человека, о Родине, о родной природе, то есть с теми «вечными» темами, которые и составляют ядро лирической поэзии.

Твардовский-лирик...

В советской поэзии Твардовский — один из наиболее ярко выраженных эпических поэтов, чей стихотворный строй с длинными, иногда в десяток строф «периодами», с размашистыми, обобщенными образами «земли», «жизни», «войны», «победы» так соответствует размаху и широте нашей действительности. Его поэмы «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Дом у дороги», «За далью — даль» — знаменательные вехи в развитии совет-

ской поэзии. И если приходится говорить о Твардовском-лирике, значит, действительно им созданы произведения, равные по силе и таланту его выдающимся поэмам.

Лирическое начало, которое лишь в отдельных местах пробивалось сквозь эпический строй «Страны Муравии», которое гораздо явственнее ощущалось в сложном переплетении глав «Василия Теркина» и «Дома у дороги», щедро насытило все послевоенное творчество поэта, отзывалось в каждой строке поэмы «За далью — даль». В любом сравнении, конечно, есть своя доля условности. Но если поэт и сам для себя и для своих читателей открывает неведомые ранее дали, если открытие этих новых поэтических горизонтов дается с большим трудом, с мучительными поисками правдивого, прямо в душу бьющего слова, то и его талант не может оставаться чем-то неподвижным, застывшим.

Война сыграла здесь решающую роль. Именно в канун Отечественной войны, раздумывая над поэмой о простом советском солдате Василии Теркине, Твардовский записывает в дневнике: «... больше отступлений, больше самого себя в поэме». Война воочию показала Твардовскому великую силу прямого, непосредственного обращения поэта к народу, выкристаллизовала его лирическое «я», подняла на новую ступень его художественное самосознание. И в «наступившей тишине» поэт уже не смог, да и не захотел, пренебречь личным, столь дорогим для него контактом с читателем.

Чем продолжительнее были паузы между отдельными песнями, чем сильнее обуревали поэта сомнения («а вдруг сквитаться не смогу за все, что было взято!»), чем мучительнее была «жестокая память войны», тем больше нуждался он в живом окружении, в строгой, взыскательной, сердечной поддержке лучших своих друзей — читателей.

Будьте со мною хотя бы заочно.

Верьте со мною в удачу мою, —

обращается он к ним, принимая с «волнением безвестным» новое творческое решение. Не слабостью, не растерянностью перед жизнью, а отчетливо осознанной ответственностью, «задолженностью» перед всеми, кто дал изведать поэту счастье, кто вложил в его творчество свои сокровеннейшие помыслы и чувства, продиктованы эти

строчки. Любой безмерный труд он готов принять на себя, любой «дерзкий порыв» ему по нраву, лишь бы этот труд, этот подвиг давал ощущение окрыляющего единения с народом, с его борьбой за лучшее будущее. И, наоборот, нет тяжелее и горше мысли о полном одиночестве («Вот подведут они черту, и — вдруг — один останусь»), нет беспомощнее положения «кустаря-одиночки», когда, как говорит Твардовский, «сам себе ровня, один в тоске глубокой». Отрыв от животворных истоков народной жизни приводит к тому, что стихи становятся «пустой забавой». Стихотворец может биться «так и сяк», может составлять строчки то «в виде елочки густой», то «в виде лесенки крутой», но стихам «не сойти с бумаги», не стать духовным достоянием широкого круга читателей.

Стихи как будто и стихи,
Да правды ни словечка, —

таков суровый приговор художественной совести.

В этих колебаниях, в этих раздумьях перед нами раскрывается удивительно чистая и благородная душа большого художника, для которого нет выше критерия, чем правда самой жизни. А для того, чтобы эта правда объективной действительности нашла отражение в лирике, у поэта должен быть широкий общественный и исторический кругозор, позволяющий ему видеть «через горы времени», насыщающий каждое его лирическое признание болью и радостью века.

Творческая близорукость, неумение видеть жизнь в ее сокровенных, глубинных процессах — вот главная причина того, что многие лирические произведения не выдерживают испытания временем, не доходят до читателя. Плоскостность, одномерность поэтического изображения, досадное однообразие в решении темы, конечно, ничего общего не имеют с подлинной лирикой, которая по мере нашего духовного роста дает возможность «открывать» все новые и новые глубины авторского чувства и мысли, сохраняет художественную неувядаемость благодаря активности нашего «прочтения», напряженности нашего участия в своеобразном «досоздании», осмыслении поэтического произведения.

Лучшим произведениям А. Твардовского в высокой степени присущ этот художественный полифонизм. Взяв

для поэмы «За далью — даль» обычный «путевой» сюжет, он со свойственной ему масштабностью развертывает этот сюжет в многообразную картину современной жизни, рассказывает о судьбах множества людей, показывает неизведанные дали и пространства. «Обычным» сюжет поэмы можно назвать весьма условно, ибо теперь, когда поэма опубликована полностью, видно, как многослойно задумано это произведение, как сложна его архитектура. Все тщательнее выписываются образы спутников-пассажиров, их вагонный быт и уют, все органичнее этот «малый мир» сливается с «миром огромным», который на всем протяжении Великой транссибирской магистрали за окнами вагона, «как за бортом вода ревет». Все решительнее обращения поэта к истории нашего общества, к современности, к будущему тех краев, по которым «пролегли пути большого мира».

Твардовский предельно прост в выборе сюжетов своих произведений, но за этой «простотой» скрываются месяцы (а иногда и годы, как в «Василии Теркине» и в поэме «За далью — даль») настойчивых поисков.

Широко показать народную жизнь, овладеть самой сущностью современных событий, реалистически выразить эту сущность в поэзии — вот основные творческие задачи, которые ставит перед собою поэт. Его подлинная стихия — движение, жадное внимание к постоянно изменяющейся действительности, стремление запечатлеть ее не только в разнообразных человеческих характерах, но и в разных временных и «географических» категориях.

С пословицей «Не весь в окошке белый свет» покинул деревню Васильково, Касплянского сельсовета, чудаковатый мужик — искатель Муравии, страны мелкокрестьянского благополучия. На фронтовых перепутьях зародилась «Книга про бойца», о которой сам поэт сказал: «Эти строки и страницы — дней и верст особый счет». Далеко от родимых смоленских мест, на кенигсбергском шоссе, повстречалась читателю Анна Сивцова, сумевшая «за тыщи верст от дома» сберечь свою семью, свой дом, свою веру в победу нашего народа.

Для Твардовского нет ничего огромнее Родины, Отчизны. Обращаясь к народу, говоря о его труде, он пишет:

Весь труд годов твоих необозрим:
Он, как простор земли твоей родимой.

Эта же «пространственность» творческих замыслов Твардовского, умение передать в художественных образах огроменность мира, в котором мы живем и в котором так много радости, смеха, печали, воодушевления, — одна из самых выразительных особенностей его послевоенной лирики, и в частности поэмы «За далью — даль». Долгие годы был ее лирический герой в дороге. После тяжелой встречи со старым другом на станции Тайшет, он держал путь «на Дальний собственно Восток». По ассоциации с этой длительной командировкой не раз он размышляет о себе:

Я с юных дней иду и еду
И столько лет уже в пути.

Вот здесь-то и представляется, казалось бы, очевидная возможность усмотреть в подобных признаниях «созерцательный взгляд», «скольжение по поверхности жизненных фактов», слабое «вторжение в жизнь». Но весь вопрос в том, как понимать эту формулу «жизни-дороги». Твардовский понимает ее по-своему, и не только понимает, но и настойчиво отстаивает жизненный путь человека, общий с родным народом. Он пишет искреннее и мужественное стихотворение:

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла,
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу — света и тепла.

Лирические стихи вплотную смыкаются с поэмой, развивают какие-то очень заветные для художника мотивы. Строчки, являющиеся ключом ко всему стихотворению, вновь и вновь повторяются им:

Нет, жизнь меня не обделила,
Ничем в ряду не обошла.

Но стихотворение уже развивается в другой тональности: мягкий юмор о «тихонях и спорщиках до страсти», о народных «певцах и мудрецах» сменяется гражданским пафосом человека, гордого за прожитую жизнь, сменяется страстной речью поэта-трибуна:

Чтоб жил и был всегда с народом,
Чтоб ведал все, что станет с ним,
Не обошла тридцатым годом,
И сорок первым, и иным...
И столько в сердце поместила,
Что диву даться до поры,
Какие резкие под силу
Ему ознобы и жары.
И что мне малые напасти
И незадачи на пути,
Когда я знаю это счастье —
Не мимоходом жизнь пройти.
Не мимоездом, стороною
Ее увидеть без хлопот,
Но знать горбом и всей спиною
Ее крутой и жесткий пот...

Общность, «обоюдная порука», существующая между художником и народом, скрашивает любую личную беду и напасть, придает новые силы, вдохновляет на создание новых произведений. Она позволяет смотреть далеко вперед, смотреть уверенно и твердо:

Еще и впредь мне будет трудно,
Но чтобы страшно — никогда.

Парфразирруя Маяковского, можно сказать, что в богатстве мыслей и разнообразных переживаний, выраженных в этом стихотворении, перед нами встает обобщенный лирический образ «народного водителя» и «народного слуги»: «водителя» — потому, что мы учимся жить в таком же единстве с народом, «слуги» — потому, что нет благороднее цели в жизни, чем счастье родного народа.

Твардовскому-лирику не чужда акварельная манера письма, стремление «схватить на лету» и «закрепить» в слове сложнейшую гамму человеческих чувств и переживаний, порождаемых общением с людьми, с живой природой. Поэт видит, например, как едва объянет талая земля, а уж, «листву прошивая старую, пойдет строчить трава», у него на примете и тот «листок из зимней почки, что вдруг живет, полуслепой», в его стихе вдруг неожиданно «свежо, морозно, вкусно заскрипит капустный лист», остановится у плотины «пугливая весенняя вода». Природа под его пером оживает, переливается красками, звучит птичьими голосами.

Но живописные детали — не самоцель для поэта.

В трепетности восприятия жизни природы, в чуткости к ее разнообразным проявлениям скрыта для Твардовского возможность полнее выразить свой внутренний мир. Очнувшаяся от зимнего оцепенения земля порождает в нем раздумье о неистраченных душевных силах, которые под спудом повседневных дел и забот «до срока» дремлют в его сердце («Снега потемнеют синие»). В стихотворении возникает незримая параллель между бурным весенним половодьем, когда «разом — в сырой ночи... воды зайдут низинами в прозрачный еще лесок», и душевным состоянием поэта: при легком прикосновении облачка нежно-зеленой ольховой пыли:

...сердце почует заново,
Что свежесть поры любой
Не только была, да канула,
А есть и будет с тобой.

Обновление душевных сил человека при виде пробуждающейся природы — один из «вечных» лирических мотивов — сливается со всей системой лирико-философских раздумий Твардовского, для которого «общечеловеческое» представляет собою высокий предмет поэтизации. Говоря об «общечеловеческом», поэт остается сыном своего народа, своего времени.

В лирическом герое Твардовского мы узнаем человека, для которого родная природа — источник сокровенной и тихой радости, сладостного творческого вдохновения, раздумий о судьбах людей. Но самое главное — в лирическом герое Твардовского мы узнаем человека, с детства впитавшего любовь и уважение к земле-кормилице, в труде научившегося понимать и ценить ее «негромкую красоту» и величавость. Не случайно слово «земля» со множеством смысловых и эмоциональных оттенков («родные места», «родной край», «Родина») — своеобразный лейтмотив всего творчества Твардовского, а образ бескрайних, залитых солнцем, колосющихся хлебов — один из наиболее близких ему поэтических образов.

«Как пахнут поля этой ржи и пшеницы на утреннем солнце. Всей грудью вздохни», — восклицает он в стихотворении «Тебе, Украина». Его не может не порадовать вид «разбуженной земли», где пыль и дым новостроек, громыхающие бетонные мосты, тихо движущиеся по ве-

черным лугам стада. Даже оглядываясь в отдаленное прошлое, он примечает «неразличимый по столетиям труд людей», воздвигающих здания и засевающих поля.

По-иному вошли образы природы в поэзию А. Твардовского в годы Великой Отечественной войны. Взять хотя бы такое характернейшее его стихотворение, как «Минское шоссе» (1944). Ликующее, патетическое начало этого стихотворения, в котором все подчинено единому порыву: «Мы наступаем! Мы громим!», — вдруг сменяется до боли родной и близкой русскому человеку картиной. Среди бурного торжества

...только будто зов несмелый
Таят печальные поля,
И только будто постарела,
Как в годе мать, сама земля,
И рост, и доброе цветенье
Всего, что водится на ней,
Как будто строже и смиренней
И сердцу русскому больней.

Поэт ничего не говорит о том, каких усилий и жертв стоила народу приближающаяся с каждым днем победа, но видом самой земли, элегическим, проникновенным описанием ее он наполняет сердце читателя легкой грустью и в то же время бесконечной любовью к этим пажитям, лугам и перелескам, таящим «зов несмелый», тоскующим о своих землепашцах и землеробах. И еще острее вспыхивало желание приблизить конец этой «печали полей», еще сильнее звучали заключительные строки:

Войска идут вперед на запад.
Вперед на запад. До конца...

...У людей старшего поколения, вероятно, до сих пор на памяти почти арктическая зима сорокового года, когда «морозами неслыханной суровости пожгло и уничтожило сады». Твардовский, написав об этом стихотворение «Перед войной, как будто в знак беды», казалось, просто использовал всем известный факт. Рассказывая о деревьях, под корой которых долгие весны «виднелся мертвенный коричневый нагар», он нигде прямо не высказывает ни своего отношения, ни своих чувств. Но вот

...прошли года.

Деревья умерщвленные
С неожиданной силой ожили опять,
Живые ветки выдали, зеленые...

Как бы ни был «гибелен удар», постигший все живое, жизнь все-таки торжествует. Но в стихотворении идет еще одна заключительная строка:

Прошла война А ты все плачешь,
мать.

Здесь-то и оказывается, что эта последняя, по видимости не связанная с предыдущим текстом строка, заставляет понять нас истинное содержание стихотворения, в котором мастерство Твардовского-лирика раскрывается с особой силой и убедительностью. Ведь рассказ о гибели «избранных, лучших» деревьев в канун войны, их полное тревожного лиризма описание, их «воскрешение» под напором буйных весенних сил — ведь все это не только поэтическая картина природы: припоминая события тех лет, мы — этап за этапом — восстанавливаем в памяти и свою жизнь, непроизвольно думаем о горе своих родных и близких, о том победном часе, когда у многих слезы радости перемежались со слезами о невозвратимой потере.

Прошла война. А ты все плачешь,
мать, —

здесь и сочувствие, и одобрение, и ласка, и сыновья забота, и множество других сокровеннейших оттенков, которые могут дать только произведения истинного искусства.

И как близоруки были те критики, которые сразу же после опубликования стихотворений «Перед войной, как будто в знак беды», «Жестокая память», «Признание», «Их памяти» предъявили поэту счет в «безысходности», в «расслабляющем» влиянии этих стихов на читателя, которые увидели тормоз «дальнейшего творческого роста» поэта в правдивых, трагических стихах!

Да, Твардовского волнуют и радости и страдания его родного народа, да, его голос богат всеми интонациями, свойственными живой человеческой речи, да, его поэтическую взволнованность не обволок жирок безмятежного благополучия, который эти критики принимают за «оптимистическое восприятие мира», за «бодрое настроение»! Как человек и художник, он никогда не забывает о своих современниках, никогда не является перед нами поэтом только «про себя» и только «для себя».

Гражданственность — вот драгоценное качество, которое сберег в лирике Александр Твардовский — автор «Страны Муравии» и «Василия Теркина». И в то же время — пишет ли он о природе, о приближающейся старости, о крестьянском детстве, о патриотическом подвиге советских солдат, — его общественная позиция неотделима от мира личных чувств и переживаний.

Его лиризм — это «влитый в стих сердечный пламень» (А. Майков), который воспламеняет нас, потому что в поэте мы видим не «няню» своей ущемленной эгоцентрическими страстями души, а собрата по общей борьбе, осмысливающего грандиозность и выражающего радость этой борьбы, но скорбящего по тяжелым потерям, которые мы понесли в суровой и трудной битве за будущее человечества.

Маршем, публицистической строфой, газетным очерком в стихах, скорбным раздумьем о павших на полях кровавых сражений вошла Великая Отечественная война в поэзию Александра Твардовского.

Поставив перед собой четкую творческую задачу: помочь «на войне живущим людям» нехитрой авторской выдумкой, согреть им грудь «нежданной радостью», — поэт создал классическое произведение военных лет — поэму «Василий Теркин». Но его ни на минуту не покидала та «глухая память боли», которая «не стигнется, пока не выскажется вволю». И поэт высказал эту боль прежде всего в своей лирике. Многие его стихотворения военных и первых послевоенных лет насыщены таким острым драматизмом, что приобретают уже подлинно трагедийную окраску.

Вправе ли мы говорить о трагическом в поэзии А. Твардовского, который известен широкому советскому читателю как один из самых жизнеутраченных советских поэтов? Ведь именно Твардовскому принадлежат многие брызжащие юмором страницы «Страны Муравии», из-под его пера вышла целая плеяда народных балатуров, затейников и шутников, им создан образ веселого, находчивого, смелого малого Василия Теркина. Все это так. Но Твардовский, как художник, черпающий творческие силы в самой толще народной жизни, чрезвычайно чуткий к современности, не мог пройти мимо мук, вынесенных народом на минувшей войне, не мог изменить памяти, которая

жива, притихшая, в народе,
Как рана, что нет-нет и вдруг
Заговорит к дурной погоде...

И невозможно понять и оценить в полной мере творчество А. Твардовского, обходя молчанием многие лучшие создания его таланта.

Трагическое может существовать не только в драме и эпосе, но и в лирике. В лирической поэзии оно проявляется прежде всего как «великое страдание»; именно так определял Н. Г. Чернышевский трагическое, когда писал, что «трагическое есть великое страдание человека или гибель великого человека». Соединяя трагическое с «великим» или «возвышенным», Чернышевский тем самым предполагал в художественном произведении глубокое философское размышление над коренными вопросами личной и общественной жизни, над коренными вопросами бытия. Но он со всею определенностью подчеркивал чуждость материалистической эстетики, рассматривающей проблему трагического в искусстве, тех идеалистических концепций, которые трагическое соединяют с понятием рока, фатума, судьбы. Трагическое в искусстве, указывал он, должно возбуждать сильнейшие душевные переживания, оно должно возвышать нас мыслью о том, как силен человек.

В лирике А. Твардовского выражена внутренняя трагическая коллизия, которая определяется, с одной стороны, пониманием и оправданием всегда юной, идущей полным ходом, рвущейся к будущему жизни, с другой — невозможностью избавиться от «жестокой памяти» военных лет, подавить в себе боль от страданий, выпавших на долю его поколения.

Куда ни взгляну, ни пойду я —
Жестокая память жива.

Как десятки ассоциаций вызовет у коренного москвича тепловатый, чуть тронутый гарью, сквозной воздух метро, так запах обвялой, недавно скошенной травы рассказал Твардовскому целую повесть, раскрыл одну из страниц в биографии его современников. Их жизнь не была увеселительной загородной прогулкой. В трудах и лишениях, в ожесточенной борьбе за свободу и независимость народа мужали их сердца. Обращаясь к сво-

ему жизненному опыту, припоминая забавы ребячьей поры, «ключевой холодок» утренних рос, поэт мысленно «держит в виду» и судьбы своего народа. Вот почему он не может ограничиться умиротворенным описанием природы, вот почему памятью той наивной, безоблачной поры ныне, пишет он, «одною вздохнуть не могу»:

Мне память иная подробно
Свои предъявляет права,
Опять маскировкой окопной
Обвялая пахнет трава.

В зримых, резких образах встает перед героем стихотворения целая историческая эпоха и тот переломный момент ее, который мы зовем июнем сорок первого года. Тысячи и тысячи лучших сыновей и дочерей отдали свою жизнь за счастье народа, его свободное и независимое существование. Так же, как и поэт, они любили жизнь, любили земную красоту, любили природу. Обращаясь к сегодняшнему дню, думая о своей работе, поэт не может избавиться от «жестокой памяти» военной години. Эта память окрашивает в трагические тона столь милые его сердцу родные места:

Тружусь, и живу, и старею,
И жизнь до конца дорога,
Но с радостью прежней не смею
Смотреть на поля и луга.

Сколько душевного целомудрия и затаенной боли в этом «не смею», сколько бесконечного доверия к читателю, который поймет, не может не понять своего поэта!

Трагическое осмысление природы в стихотворении «Жестокая память» имеет глубокие общественные корни; в заключительной строфе Твардовский прямо раскрывает идейный замысел своего стиха, он говорит, что «памятью той, вероятно, душа моя будет больна, пока мест бедой невозвратной не станет для мира война». Стихотворение, которое началось с трогательных воспоминаний детских лет, которое потом раскрыло жизнь лирического героя, разрешает один из самых жгучих вопросов современной жизни — вопрос борьбы за мир.

Тонкие, проникновенные описания родной природы переплетаются в лирике Твардовского с величественны-

ми образами. В его поэзии нередки метафорические строки, поражающие своей художественной силой. Так, по-ломаносовски монументален образ разгневанной Родины, которая, преследуя врага,

...гудящее небо,
Точно щит, над собой
Высоко проносила...

В стихотворении «В тот день, когда окончилась война» (1948) Твардовский в сдержанных тонах повествует о дне всенародного торжества и прощания со всеми, кто погиб на войне:

Внушала нам стволов гевущих сталь,
Что нам уже не числится в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.
И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.

Сложно содержание этого лирико-философского стихотворения — одного из лучших во всей нашей послевоенной поэзии. Твардовский почувствовал, назвал и выразил в поэтическом слове ту «особую для наших душ минуту», которая в час победы отчетливее и зримее всего прочерчивала грань между миром и войной: минуту, когда каждый участник войны впервые так бесповоротно прощался «со всеми, что погибли на войне». Но стихотворение не только реквием павшим. Это раздумье поэта о непрерывающейся связи поколений, от ответственности живых, призванных продолжать дело, за которое погибли их собратья. Вот здесь-то и намечается коренное идейное отличие лирики Твардовского от позиции тех буржуазных художников, которые видят в смене поколений лишь извечный круговорот, свойственный всей природе.

Твардовский же в своих лирико-философских стихах противопоставляет жизнь человеческого общества смене явлений в природе. «Мы... знаем, — пишет он, — что юность права», — но права она не как «молодая трава, что старой приходит на смену» —

Дано ей на том же пути
За нами, но дальше идти,
Исполнить, что мы не успели...

Мысленно обращаясь к тем, кто преподавал нам уроки мужества и беззаветной стойкости, кто ныне стал «горсткой пыли», поэт видит, что

...с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.

А жизнь идет, бесконечно ее движение, всеобъемлюще ее течение, и вновь и вновь появится листва на этих березах, кленах и вербах и вырастут наши дети и внуки. Но само собой очевидный вопрос: «Что ж, мы трава? Что ж, и они трава?» — вызывает в поэте решительный протест. «Нет. Не избыть нам связи обоюдной», невозможно нам, оставшимся в живых, прожить в своем «отдельном счастье», как невозможно изменить делу, ради которого пали смертью храбрых наши побратимы и друзья. Поэт, воскрешая в памяти всех канувших «в безгласный край, в глухой покой земли, откуда нет пришедших из разведки», приносит клятву верности нашим высоким идеалам, своей творческой совести, которая не позволит ему ступить в «заказанный след», солгать в помыслах и чувствах, он возвышает свой голос во имя правого, общенародного дела, во имя коммунизма. Вот почему стихотворения «Я убит подо Ржевом», «В тот день, когда окончилась война», «Их памяти», трагические по содержанию, имеют жизнеутверждающий, оптимистический исход.

Глубоко страдание поэта, но оно не заслоняет от него весь мир, ему по-прежнему дорога жизнь, доступна «свежесть поры любой». И мы, проходя через горнило этих страданий вместе с поэтом, возвышаемся мыслью о нравственной силе советского человека, о его благородстве, в высоком сознании патриотического долга.

Мне правда Партии велела
Всегда во всем быть верным ей, —

так формулирует А. Твардовский понимание своего гражданского, писательского и партийного долга. И в этом залог того, что поэт «исполнит свое», поведает о времени и о себе словами, которые «нужны всем, как пить и есть»,

ПОСТУПЬ ВРЕМЕНИ

Вот уже более сорока лет поколение за поколением вступает в советскую поэзию, привнося в нее свое ощущение эпохи, активно усваивая опыт предшественников и образуя ту непрерывную эстафету, о которой хорошо сказал Александр Твардовский: следом за настоящей, «сегодняшней» юностью «грядущая юность идет, ее на работе сменяя, неся назначение свое...»

В процессе осознания «своего назначения» молодые поэты неизбежно сталкиваются с такими проблемами, как народность литературы, как теснейшая взаимосвязь политики и искусства, как влияние общественной жизни на поэзию. От того, насколько верно, в духе дальнейшего развития лучших, боевых традиций советской литературы будут решены новым поколением эти проблемы, зависит вклад, который оно внесет своим коллективным опытом в духовную сокровищницу народа.

Н. С. Хрущев, выступая в станице Вешенской 30 августа 1959 года, говорил о той органической связи, которая существует между творчеством подлинно народного художника и его партийной позицией: «Если писатель живет с народом, отображает его жизнь, его борьбу под руководством Коммунистической партии, то партийность является сутью и смыслом жизни писателя, его творчества».

Вот почему так важно для молодого поэта приобщение к трудам и подвигам народным, вот почему так важно определение им своего назначения или «сущности и смысла».

ла» своей жизни как беззаветного служения народу, Коммунистической партии.

Для молодого литератора, еще только вступающего в большую литературу, это осмысление высоких общественных целей и задач искусства, литературы — процесс сложный и длительный. Он, этот процесс, неотрывен от роста художественного мастерства, расширения творческого кругозора, поэтического возмужания.

У каждого поколения свои трудности. Так, поэты, чьи голоса уверенно зазвучали в первые же послевоенные годы, сформировались раньше, в дни Отечественной войны, на полях сражений с германским фашизмом. Со школьной, студенческой скамьи многие из них уносили на фронт незрелые, наивные представления о жизни, об искусстве, о поэзии.

Но правда жизни, собственный опыт и опыт сражающегося народа, развеяв отвлеченный мир юношеских представлений о войне («Книжная романтика войны! Где ты?» — Алексей Недогонов), с железной необходимостью выковывала более широкий и более оптимистический взгляд на действительность.

Однако обратимся к творчеству поэтов послевоенного поколения, многие из которых довольно уверенно заявили о себе стихами и поэмами. Какими путями идет их духовное возмужание, их осознание своего «места в рабочем строю»? На эти вопросы ответить нелегко, ибо наша молодая поэзия представляет собою тысячи и тысячи родников и источников, которые бьют во всех уголках нашей земли, которые несут свои воды в океан, именуемый великой советской литературой. Среди этих источников есть такие, чьи струи нет-нет да и замутият чужеродные влияния, есть такие, что пересыхают, едва миновав первый десяток метров. Вместе с тем творчество наших молодых поэтов поучительно не только теми или иными недостатками, но и свежестью, непосредственностью ощущения мира, которыми всегда радуется молодость.

Не упрекайте нас, что слишком поздно
Мы выпускаем книжечки стихов,
Мы в девятнадцать защищали Грозный,
А в двадцать брали заново Ростов.
В поэзию сквозь фронтовые дали
Была дорога наша нелегка.
Сначала мы высоты штурмовали —
Потом уже теорию стиха...

Это пишет молодой поэт Юрий Мельников, молодой по поэтическому стажу, но не возрасту. Эту же мысль о том, как нелегка бывает подчас дорога в поэзию тех, кто прошел в юности «фронтовые дали», мне хотелось бы подтвердить судьбой двух стихотворных сборников вологодского поэта Валентина Сорокина. Его первый сборник «Счастье» был издан в 1950 году. Открывался этот сборник стихотворением «Учитель»:

И мерз, и мок я по сырым окопам,
Шагал по селам, выжженным дотла.
По автострадам и безвестным тропам
Нас фронтовая молодость вела.
Я видел много крови и пожаров,
Пронес знамена Славы до конца,
И мне страна доверила недаром
Застенчивые детские сердца...

Так начиналось это стихотворение, которое вобрало в себя в известной степени и личную биографию сельского учителя В. Сорокина, и создавало обобщенный образ юноши-фронтовика. В «Учителе» — пусть еще в очень скромной форме — произошел сплав личного, конкретного и обобщенного жизненного материала — то, к чему сознательно стремится каждый художник. К сожалению, это стихотворение было едва ли не единственной удачей сборника «Счастье». Остальные стихи, по формулировке Белинского, состояли сплошь из «общих мест» и общих слов о «творческой силе вдохновения», о «труде, яростном как бой» и т. д. Почему так случилось? Да потому, что высокие гражданские темы оказались не под силу начинающему поэту. Громкие слова, к которым тяготел автор сборника, повисали в воздухе. Элемент личного, своего, без чего немыслима лирическая поэзия, почти начисто отсутствовал в его книге; не было в ней и той широты общественного кругозора, которая придает подлинную страсть, гражданский пафос произведению.

В нашей критике справедливо говорится о единстве личного и общественного в творчестве крупнейших советских поэтов-лириков. Это стало даже своеобразным «общим местом» наших статей и монографий. Однако при этом часто забывается, что многие поэты прошли самый сложный путь поисков этого единства, не раз ошибались, прежде чем их лучшие произведения приобретали ту самую «заразительность», силу художественно-

го воздействия на умы и сердца читателей, о которой говорил в свое время Л. Н. Толстой. Не следует думать, что с этой трудностью не столкнулись начинающие поэты послевоенного поколения, что им это единство, эта органичность были преподнесены в готовом виде. Книга В. Сорокина, как капля воды, отражала первоначальные поиски своего «я» в поэзии. У автора не было ни мастерства, ни опыта, ни решительности, чтобы утверждать свою истину в поэзии, свое «открытие мира». Общие, отвлеченные образы «лесорубов», «кузнецов», «ткачих», казалось бы, вполне соответствовали требованиям времени — создать положительный образ нашего современника. Общие слова о долге и вдохновенном труде должны были также придать «идейную направленность» первому сборнику. На деле же многое оборачивалось откровенной риторикой и схемой. Было в первом сборнике В. Сорокина стихотворение «Ткачиха». Девушка Наташа — ткачиха, передовик производства — ходит вечерами в вечернюю школу, мечтает стать инженером — вот, пожалуй, и все, что смог сказать о красавинской работнице поэт. Но я как читатель по этим сухим анкетным данным вряд ли представляю себе полнокровный образ нашей современницы. В стихотворении есть «типизация», обобщение, вернее, отвлечение, но нет художественной плоти, без которой немислимо стихотворение такого плана: вспомним хотя бы боевитую Оленку Александра Яшина или украинского хлопца-мечтателя из «Гренады» Михаила Светлова. Отвлеченность ощущалась и в лирике природы В. Сорокина. Книга его как будто бы была посвящена вологодскому краю и вологодским труженикам, но не было в ней образного виденья нашей вологодской земли, не было ярких развернутых характеров наших земляков. Таким образом, неразвитость творческого «я», недоверие к личному опыту, неумение выразить субъективное отношение к жизни, к людям, к тем или иным явлениям действительности накладывали характерный отпечаток не только на сборник «Счастье» В. Сорокина, но и на целый ряд других стихотворных заявок, появившихся на книжных прилавках в первые послевоенные годы.

Значительным шагом вперед в творческом развитии В. Сорокина является вышедшая в прошлом году вторая его книга «С товарищами в ногу». В ней также имеется стихотворение о молодой работнице-ткачихе. Но пе-

ред нами уже не сухая анкета, не декларация о некоем передовике производства, мечтающем стать инженером, а лирическое стихотворение, написанное как бы от имени влюбленного рабочего паренька, встречающегося с молоденькой ткачихой за партой вечерней школы. Однажды паренек увидел девушку, которая шла на утреннюю смену в старенькой телогрейке и старых стоптанных сапогах. Естественно передано ее смущение: «Погода... Дождик... Извините...» — неловкая, ушла спеша...» И хотя заключительные строки о том, что для влюбленного эта ткачиха «во всех нарядах хороша», тривиальны, мы в неприязнительной зарисовке можем уловить наметки живого характера, видим попытку поэта «переволноваться» в чужой образ и сделать его теплее и доходчивее для читателя. Возросшим пристрастным отношением В. Сорокина и к своим героям и к лирическим темам отмечены многие стихотворения в новой книге. Конкретнее, приметнее стала для него и жизнь текстильного поселка, раскинувшегося на берегу полноводной северной реки. Все это позволяет нам с большим основанием поверить молодому поэту, что здесь, на севере нашей Родины, «веет, веет силой сказочной и от людей, и от земли».

Мне хочется обратиться к запеву еще одного поэга-володжанина — Александра Романова, у которого в прошлом году вышла также вторая книга стихов — «Утренние дороги».

Александр Романов отчетливо сознает себя представителем третьего поколения. В стихотворении «Ровесники» он пишет:

Уже теперь мы сами —
Подумай, друг, сочти —
С погибшими отцами
Ровесники почти.

Но поэт ни коим образом не противопоставляет свою молодость, молодость своего поколения опыту и зрелости старших товарищей. Наоборот, он, окидывая взглядом дела и думы своих товарищей, говорит от их имени: «В одном ряду, в одном строю стоим».

Поэтическая биография А. Романова началась с одного памятного мне эпизода.

...Лет двенадцать тому назад в Вологодском педин-

ституте была вывешена стенгазета. В ней участники студенческого литкружка прочитали коротенькое стихотворение студента-первокурсника. Стихотворение это было напыщенным и неумелым, но промелькнули в нем две живые строчки:

А в притихнувшем поле чисто,
Колеисто на большаке.

Эта аллитерация «чисто» — «колеисто» как-то сразу западала в память и обличала в авторе человека, не лишённого поэтического слуха. Так произошло наше знакомство с начинающим поэтом А. Романовым.

В сборнике «Утренние дороги» метко, временами с хорошей юношеской застенчивостью он рассказывает о земляках, о людях, которые родились и выросли «не где-то за морем тридесатым, а здесь, где пахнет хлебом от земли». В стихах Романова удачно подмечено: летним днем к одним «березкам в далях сенокосных загар никак не пристаёт», земляника в лесном бору настолько ярка, что «диво, право, как трава не вспыхнет от искр ее», могучие сосны напоминают поэту трубы с зеленым дымком. Немало свежих и сочных красок находит поэт-вологжанин, чтобы передать запахи и звуки северной природы. Если вспомнить, что совсем недавно в нашей поэзии поверхностные стихи о земснарядах, скрепперах, бульдозерах и подъёмных кранах вытесняли нашего современника, то стихи о цветении и буйстве весеннем, стихи о матери-земле в первых книжках молодых поэтов останавливают внимание, пробуждают в душе что-то доброе и светлое.

И все-таки насколько значительнее становится стихотворение, когда мысль художника оплодотворена его раздумьями над социальной, общественной картиной мира. Пусть, на первый взгляд, это будут лирика природы, пусть первоначальным импульсом явится для поэта восхищение перед земной красотой. Необходимо только, чтобы эта лирика вобрала в себя гражданский, политический опыт живописца, чтобы в стихах мы узнали своего современника — человека середины двадцатого века. Взять стихотворение того же Александра Романова «Отец мой был порою молчалив» из его первой книги «Признание друзьям». Отец поэта — простой деревен-

ский житель — при виде красоты и щедрости земной только вздыхал: «Эх!..»

И это слово у него звучало
Красноречивей и нежнее всех,
Хотя их в нашем языке немало.

В сдержанном вздохе-восклицании слышалась всякий раз

Любовь такая к стороне родной,
Что слов для выраженья не хватало.

Кажется, мы почти ничего не знаем об этом скромном русском мужике, и в то же время как много мы о нем знаем! Всю жизнь тянулся человек к прекрасному, всю жизнь мечтал выразить себя в песне ли, в искусной ли работе, — да так, видно, и не довелось; не хватило грамоты, жизнь была тяжела, — мало ли есть причин, не позволявших развернуться недюжинной песенной натуре? Иная судьба у поэта, у которого тоже не раз перехватывало дыхание от переполнявших чувств, которому тоже «слов для выраженья не хватало». Но прошли годы — и лучшие стихи из первых сборников говорят о том, что такие слова нашлись, что талант не пропадет в неизвестности.

Красота новых человеческих взаимоотношений, красота новых человеческих чувств, конечно, труднее поддается образному «улавливанию», поэтизации, чем, к примеру, вид вечернего неба. Здесь нет никакого прогнупоставления; мир природы, жизнь природы обогащают наш духовный мир, но являются только частью этого нашего сокровенного внутреннего мира. Чтобы образно выразить то, чем мы сегодня живем, что чувствуем, мало напомнить нам цвета и запахи земные; нужно еще и глубоко прочувствовать и воссоединить в единое поэтическое целое людские судьбы, общественные движения, исторические были прошлого или, как когда-то сказал Гете, «овладеть миром и найти для него выражение». Именно в наши дни стремление молодого поэта «овладеть миром» социальных страстей способно принести ему глубокое моральное удовлетворение, поднять его творчество на новую, высшую ступень.

Среди десятка стихотворений молодого поэта Игоря Тихонова в его недавно вышедшей книге «Северянка»

меня особенно заинтересовало одно — «Подвиг». Формально оно, может быть, слабее стихов, описывающих бурное северное море или мартовскую оттепель, когда весенние зори «на первых настояны травах и запахах влажной земли». Но основная мысль этого стихотворения, его поэтический запал рождены сегодняшней жизнью. Как говорится, все это уже «витало в воздухе», заслуга поэта в том, что он облек это неуловимое «витание» в образную плоть. Итак, о чем же эти стихи? О героизме рыбаков и мореходов, которых по неделе мотает в разбушевавшемся море.

Геронка?
Конечно.
Подвиг?
Да!..
Но мне другое
Не дает покоя:
Геронка крестьянского труда, —
Где там берут терпение такое?!
Спокойный,
Тихий,
Будничный удел:
Колхозный двор и сытый запах сена,
Навоз, тепло
Коровьих грузных тел
И мхом проконопаченные стены.
Девчонке даже нет и двадцати,
И нет красоты особенной, не скрою,
Но этакое мужество найти,
Пожалуй, трудно и среди героев.

Моряки по неделе борются с разбушевавшимся морем, девчонка же неприметный трудовой подвиг свой совершает ежедневно: «без выходных, а то и так, без сна...» А ведь в ее жизни бывает всякое: сводит от непривычки пальцы судорогой, в ночь, в пургу приходится бежать за ветеринаром, не хватает кормов коровам... Да, мужество и выдержка требуются от доярки, вчерашней школьницы, принявшей на свои плечи немалые заботы по общественному животноводству! Потому-то и прав поэт, когда говорит, что есть еще «геронка труда, обидно обойденная стихами».

А как же быть с «чистой» лирикой природы, с размышлениями о тихой прелести июльских закатов или о вечности всего живого и цветущего? Что-что, а эти темы в поэзии никак не назовешь «обойденными стихами».

Глубокое уважение к трудящемуся крестьянину заставило М. Исаковского окрасить золотыми красками заката мозолистые руки хлеборобов. Кроме того, в этих строчках слышится явная переключка с восхищенным народным изречением о мастере-умельце: «золотые руки!»

Чувство свободы, чувство человека-победителя стихии выразил С. Щипачев в строчках: «равный равному в глаза глядят гора и человек». Острое социальное содержание вложил В. Луговской в свои стихи. Он пишет: «мир одиночества», — и нам, вопреки знакомым с детства рассказам о «теплых странах», становится зябко; мир одиночества и человеческой разобщенности, капиталистический мир противопоставлен здесь «миру света» — миру братской сплоченности, теплоты подлинного гуманизма.

Для поэта, чувствующего современность, для поэта, сознающего свой гражданский, патриотический долг, ни одна из «вечных» лирических тем не может быть тихой заводью, пристанищем, в котором можно было бы укрыться от общественных потрясений и бурь века. Напротив, в любую тему он внесет свое понимание важнейших событий эпохи, в любом поэтическом жанре скажет свое слово современника и соучастника трудов и подвигов народных.

Остановлюсь на небольшой поэме Василия Федорова «Проданная Венера». Основная мысль этой поэмы выражена в ясных, афористических строках:

За красоту
Людей живущих,
За красоту времен грядущих
Мы заплатили красотой.

Если бы поэт сказал, что кровь, пролитая нашими отцами и братьями на фронтах гражданской войны, не пропала даром, что великий всенародный героизм в годы Отечественной войны принес нам победу и мир, это было бы правильно, но не столь неожиданно, как вывод поэта о том, что «за красоту людей живущих, за красоту времен грядущих мы заплатили красотой». А ведь в этом — большая правда нашего времени, правда, запечатленная в решениях XXI съезда Коммунистической партии об эстетическом воспитании трудящихся, о неуклонном росте в новом семилетии не только ма-

териальных, но и духовных, эстетических богатств народа.

Поэма В. Федорова была написана и опубликована несколько лет тому назад, но, послушайте, как современно — в свете решений XXI съезда — звучат следующие ее строки:

Рост красоты по дням и годам
Мы обеспечим — верю я,
Как обеспечен курс рубля,
Всем достоянием народным.

И разве не поразителен и не показателен для нашего времени факт, что поэт, выросший в трудовой рабочей семье, рано познавший жизнь в ее порою грубых и тяжелых проявлениях, задумывается над истоками красоты нового мира, пишет поэму на «вечную» тему — прекрасное в искусстве, обществе, человеке!

Однако поэма В. Федорова — отнюдь не философский трактат. Она поэтична в самом своем существе. Богатое знание народного, крестьянского быта позволило В. Федорову создать обаятельный и драматический образ деревенской девушки Наташи Граевой, чья красота в заботах и трудах пропала без времени, но чей жизненный подвиг равен красоте самых прославленных полотен мирового искусства. В «Проданной Венере» есть и другая более широкая тема — тема борьбы за индустриальную мощь, металлургическую красоту нашей социалистической державы, ради чего нам приходилось идти на жертвы и лишения. Обе темы органически сливаются в поэме:

Одной цели я вижу звенья,
Сработанные не вчера:
И мировые потрясения
И горе одного двора.
На все
Я в жизни вижу отклик,
От горя к радости мосты.

Вот здесь-то и следуют слова о деревенской красавице Наташе Граевой, которые я пересказал выше:

Судьба Наташи — это подвиг,
А подвиг стоит красоты.

«Людам жить, и быть красе» — автор поэмы твердо и непоколебимо уверен в этом. Столь же непоколебимо уверены в этом и мы, его читатели.

«Проданная Венера» Василия Федорова — яркий пример того, как лирическое произведение, посвященное «вечному», общечеловеческому, может быть насыщено болями и радостями современности.

Но есть поэзия немедленного отклика на политическую злобу дня, существуют поэтическая хроника, репортаж, стихотворный фельетон и многие другие «газетные» жанры. Не случайно Горький определял поэта, как «эхо мира». Публицистика, с ее яркой образностью, политической остротой, завершенной меткостью характеристик, чрезвычайно мобильна и доходчива. Это — сколок с только что прожитого дня, это — предвосхищение назревающих событий. Если стихи сделаны не равнодушной ремесленнической рукой, они могут сохранить и сохраняют в действительности высокий политический накал и подлинную страсть поэта на долгие годы.

Мы с уважением ощупываем «старое, но грозное оружие» Д. Бедного, басенной пристрелкой которого руководила партия; мы с детских лет помним колючие карикатуры Владим Владимыча — мастера штыкового поэтического удара; взволнованный голос Н. Асеева звучит во многих стихах, написанных им для газеты; С. Маршак и С. Михалков могут гордиться иными меткими попаданиями сатирических стрел в политических противников и оруженосцев империализма.

И сейчас политическая лирика нам столь же необходима. Без нее мы не можем говорить о полнокровной жизни нашей советской поэзии, об активном воздействии ее на все стороны нашего духовного бытия.

Политика — часть нашей повседневной духовной жизни, и не осмысливать, не находить для выражения этой важнейшей стороны нашего бытия поэтических средств выражения — значит обкрадывать самих себя. Нельзя, чтобы в наше горячее, напряженное время, время великих свершений, поэт — гражданин, патриот — оставался равнодушным к событиям, волнующим каждого грамотного человека.

Как ни в чем ином, в поэтической публицистике необходимы творческая выдумка, новаторский подход к материалу, оригинальность и своеобразие образов, сила поэтической страсти. Да, именно страсти, а не тепловатого сочувствия или вялой неприязни.

В самый разгар борьбы с ревизионизмом, с нигилистическими тенденциями среди отдельных представителей студенческой молодежи на страницах «Нового мира» выступил молодой поэт из Воронежа Владимир Гордейчев. Его стихотворение «Наше время» сразу же обратило на этого, доселе неизвестного поэта всеобщее внимание. Еще бы! В. Гордейчев писал:

Не могу отмалчиваться в спорах,
Если за словами узнаю
Циников, ирония которых
Распалает ненависть мою.
И когда
Над пылом патриотов
Тешатся иные остряки,
Я встаю навстречу их острогам,
Твердо обозначив желваки.
Принимаю бой!..

С молодым задором В. Гордейчев звал встать с ним локоть о локоть всех «рыцарей немедленного действия», верных друзей и товарищей, тех, кто «шел босой за плугом, помогая старшим в десять лет, кто в депо грузил тяжелый уголь, чтоб пойти с любимой на балет».

Пусть во всем, что сделано моими
Твердыми ладонями,
Живет
Душу озаряющее имя,
Знамя поколенья, —
Патриот! —

так заканчивает страстные, патриотические стихи воронежский литератор.

«Наше время» В. Гордейчева вызвало десятки подражаний. Стихи открыли для молодых поэтов неизвестную им до тех пор сферу приложения творческих сил и правильно ориентировали их в стремительно сменяющихся литературных событиях.

Следует признать, что острых стихотворений с точным политическим прицелом у поэтов послевоенного поколения все же немного. А жаль.

Стоит вспомнить, с каким волнением ожидают советские люди — наши читатели — известий о полном и безоговорочном запрещении ядерного оружия, чтобы понять, как физически необходимы сейчас стихи о борьбе за мир, стихи, которые, подобно лучшим строкам Мая-

ковского, облетели бы все газеты Советского Союза, были бы подхвачены дикторами всех радиостанций. Развитие жанра политической лирики — жанра принципиально новаторского, неведомого по силе мгновенной отдачи поэзии прошлых времен, — должно пойти вперед семимильными шагами. И наша поэтическая молодежь обязана сказать здесь свое слово.

Но зачастую публицистические понятия и политические термины вгоняются в зарифмованные строки в таком оголенном, неперевавленном виде, что у читателей, особенно читателей газет, создается самое превратное представление о качестве и возможностях нашей политической лирики. Нередки случаи, когда, как удачно сказала Т. Яблонская на II съезде украинских художников, «не творца захватывает тема, а творец — тему!»

И среди этих поэтических скороспелок читатель не всегда обнаруживает «золотые от зрелости ценности современности», по удачному выражению Л. Мартынова, сказавшего так об успехах своих собратьев по перу.

И все-таки, если взять в целом нашу советскую поэзию, в том числе и поэзию молодых, то со всей несомненностью проступит ее коренное идейное отличие от тех или иных исканий буржуазных поэтов, ее общественный и политический пафос, ее реалистичность.

Наш общественный строй воспитывает в молодежи целеустремленность, оптимизм, преданность своему народу, чувство ответственности за свою эпоху, за свой двадцатый век.

Да, именно так — «Живу в двадцатом веке» — и называл один из последних сборников Михаил Львов. В этом сборнике есть знаменательные строки:

Мы знаем, — командиры и подростки, —
Эпоха не действительна без нас.

Чувство слитности со своим народом, органически присущее советским литераторам, вдохновляет их в творческой работе, является движущим стимулом в настоячивых поисках новых реалистических изобразительных средств.

Говоря о многообразных формах воздействия общественной жизни на поэзию, интересно обратиться к творчеству Леонида Мартынова, кстати сказать, ряд лет

проживавшего до войны в Вологде и написавшего о ней несколько стихотворений.

Некоторые критики до сих пор считают, будто лирический герой Мартынова — «сказочник», «фантаст», обитающий в загадочном Лукоморье и бесконечно далекий общественным страстям и волнениям. Только изредка он появляется между согражданами, как прохожий, «неуклюжий, но дюжий в тужурке медвежьей», чтобы звуками волшебной флейты позвать их

...туда, где горят изумруды,
Где лежат под землей драгоценные руды,
Где шары янтаря тяжелеют у моря!
Собирайтесь со мною туда, в Лукоморье!

Да, у Мартынова есть такие мотивы.

Однако сводить творческую практику поэта только к этому — значит исказить его облик.

Любовь к России, к ее простым людям, народным умельцам, мудрецам, неутомимым искателям народной правды, народного «земного рая» — вот что вдохновляло Мартынова на создание исторических поэм «Тобольский летописец», «Правдивая история об Увенькае», «Искатель рая». Ряд стихотворений Мартынова еще в довоенные годы был непосредственно обращен к современности. Однако, пытаясь создать, к примеру, стихи о зверином лице германского фашизма, поэт перенасыщал их всевозможной «книжной премудростью», историческими именами, справками, не всегда художественно оправданными.

В этом смысле новые книги Л. Мартынова выгодно отличаются от всего написанного им прежде.

Обновление в природе, в обществе, в человеке стало главной лирической темой поэта. Мартынова радует наше время, у которого удивительно мощное эхо, огромный резонанс даже вполголоса сказанного поэтического слова. Он стремится служить обществу, славить зреющее на земле «очередное чудо», бичевать тех, кто живет «извиваясь и скользя». Однако с этой главной творческой установкой индивидуальная манера Мартынова, манера туманных иносказаний, приходит подчас в противоречие.

В таких стихах, будто бы говорящих о природе, поэт дает понять читателю, что дело, собственно говоря, в

общественном подтексте этих событий. В конце концов устаешь от этой двойственности, от тщательно зашифрованной личной позиции поэта.

Наибольший успех Мартынову принесли как раз те стихи, в которых позиция поэта ясна, в которых отсутствуют концовки, играющие роль общественных сентенций; это — «И вскользь мне бросила змея», «Итоги дня» и другие.

В большинстве своем читатели «открыли» Леонида Мартынова как поэта, обладающего острым чувством современности, волнуемого большими общественными вопросами, недавно, в пятидесятые годы. А ведь писать он начал давно, — и в одном из ранних стихотворений он удивительно точно сказал о себе:

В храм истины домысел смело стучится.
Чего не случилось, могло бы случиться.
И часто, быть может, я здесь увлекаюсь,
От истины точной слегка отвлекаюсь,
Но в главном я прав! Я речусь!

В этом весь Леонид Мартынов!

Почти аксиомой можно признать, что в произведениях, возникающих по принципу «отраженность света», усиливаются не лучшие, а худшие стороны первоисточника. Так случилось с теми, кто поспешил воспользоваться мартыновскими иносказаниями как своего рода современным «эзоповым языком». Ошибочность, примитивность и незрелость подобных стихов теперь, вероятно, ясны и самим авторам.

Опыт лучших советских поэтов, и в первую очередь Н. Асеева, С. Маршака, А. Твардовского, В. Луговского, М. Исаковского, показывает, что о самых острых, актуальных общественных проблемах стихотворец может и должен говорить прямо, что активная и страстная позиция защитника нашего советского образа жизни неотделима от гражданской и поэтической смелости. Правда нашего века, нашего народа, нашей партии — вот что должно вдохновлять поэта.

С той правдой малого разлада
Не понесет моя строка.
И мне свое исполнить надо,
Чтоб вдаль глядеть наверняка.
(А. Твардовский).

«Вдаль глядеть наверняка» — это, бесспорно, счастье художника, и дается оно умением различать общие зримые черты нашей эпохи, ясной партийной позицией в искусстве и поэзии.

* * *

Стремительный характер нашего столетия ощутим каждым из нас. Еще на заре его Александр Блок воскликнул:

Не может сердце жить покоем!

Да, сердце подлинного художника не может жить покоем, не может жить, не волнуемое и личными и общественными страстями в их животворном неразрывном сплаве. Мир, реальный во всех своих проявлениях, зовущий к подвигу, к деянию во имя народа, насыщен такими яркими человеческими и народными судьбами, такой океанической мощью общественных движений, что обо всем этом невозможно молчать. Быть певцом, выразителем и этих судеб и этих движений — вот призыв нашей современности, ее боевой клич.

3 руб.

С 1. 1. 1961 г. цена 30 коп.